

ВИКТИМОЛОГИЯ

№ 3(5) / 2015

ЗАРЕГИСТРИРОВАН В МИНИСТЕРСТВЕ СВЯЗИ И МАССОВЫХ КОММУНИКАЦИЙ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

СВИДЕТЕЛЬСТВО ПИ № ФС 77-57507 от 27.03.2014

ИЗДАЕТСЯ ЧЕТЫРЕ РАЗА В ГОД

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

А. В. МАЙОРОВ

кандидат юридических наук, доцент

ВЫПУСКАЮЩИЙ

РЕДАКТОР

Е. К. СОГРИН

ВЕРСТКА

В. А. ПЕЧЕНКИН

ПЕРЕВОД

М. А. МАРТЫНОВА

УЧРЕДИТЕЛИ:

ООО «ЭСКУЭЛА»

ООО «ЮЖНО-УРАЛЬСКИЙ
ЮРИДИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК»

РЕДАКЦИЯ:

Россия, 454080,

г. Челябинск, а/я 12550

Тел./факс: 8 (351) 231-09-91

E-mail: victimology@mail.ru

www.victimo.ru

Ответственность за аутентичность и точность цитат, имен, названий и иных сведений, а также за соблюдение законов об интеллектуальной и иной собственности несут авторы публикуемых материалов

Подписано в печать 30.11.2015

Формат 70×108 1/16. Усл. печ. л. ___

Тираж 300 экз. Заказ № ___

Отпечатано в типографии «СитиПринт»

ИП Мякотин И. В.

Цена свободная

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ:

В. И. НАЗАРОВ

кандидат юридических наук, профессор

ЗАМЕСТИТЕЛЬ

ПРЕДСЕДАТЕЛЯ:

Ю. А. ВОРОНИН

доктор юридических наук, профессор

Е. В. АНДРИЕНКО

доктор педагогических наук, профессор

К. В. ВИШНЕВЕЦКИЙ

доктор юридических наук, профессор

Н. И. ИОГОЛЕВИЧ

доктор психологических наук, профессор

П. А. КАБАНОВ

доктор юридических наук, доцент

Р. А. САБИТОВ

доктор юридических наук, профессор

З. Р. ТАНАЕВА

доктор педагогических наук, доцент

П. Н. ФЕЩЕНКО

кандидат юридических наук, доцент

Э. Г. ЮЗИХАНОВА

доктор юридических наук, профессор

Журнал включен в базу данных РИНЦ

© Редакция журнала «ВИКТИМОЛОГИЯ», 2015

VICTIMOLOGY

№ 3(5) / 2015

THE JOURNAL IS REGISTERED IN MINISTRY OF COMMUNICATIONS AND MASS MEDIA
CERTIFICATE ПИ № ФС 77–57507 of March 27, 2014
THE JOURNAL IS PUBLISHED FOUR TIMES A YEAR

CHIEF EDITOR

A. V. MAYOROV
candidate of law sciences,
associate professor

MANAGING EDITOR

E. K. SOGRIN

PAGE-PROOFS

V. A. PECHENKIN

TRANSLATION

M. A. MARTYNOVA

THE FOUNDERS:

LLC «ESCUELA»

LLC «SOUTH-URAL LAW BULLETIN»

EDITORIAL OFFICE:

Russia, 454080,
Chelyabinsk, p. o. 12550
Phone/fax: 8 (351) 231-09-91
E-mail: victimologiy@mail.ru
www.victimo.ru

The authors of the published materials are responsible for the authenticity and accuracy of citations, names, titles and other information, as well as for compliance with the intellectual property law

Sent for the press by 30.11.2015
Format 70×108 1/16. Conv. print. sh. ___
Edition 300 copies. Order No. ___
Printed in «CityPrint»
SP Myakotin I.V.
Price is free

EDITORIAL BOARD:

CHAIRMAN:

V. I. NAZAROV
candidate of law sciences, professor

VICE-CHAIRMAN:

YU. A. VORONIN
doctor of law sciences, professor

E. V. ANDRIENKO

doctor of pedagogical sciences, professor

K. V. VISHNEVETSKIJ

doctor of law sciences, professor

N. I. IOGOLEVICH

doctor of psychological sciences, professor

P. A. KABANOV

doctor of law sciences, associate professor

R. A. SABITOV

doctor of law sciences, professor

Z. R. TANAEVA

doctor of pedagogical sciences, associate professor

P. N. FESHCHENKO

candidate of law sciences, associate professor

E. G. YUZHICHOVA

doctor of law sciences, professor

В НОМЕРЕ

Колонка редактора 5

ТЕОРИЯ УЧЕНИЯ О ЖЕРТВЕ И ПРАВА ЧЕЛОВЕКА

МАЙОРОВ А. В.

О понятии «пострадавший»
в уголовном праве. 7

СОЦИАЛЬНАЯ ВИКТИМОЛОГИЯ

**ИГОЛЕВИЧ Н. И.,
ИГОЛЕВИЧ В. А.**

Теория интегральной
индивидуальности как основа
концепции индивидуальной
виктимности субъекта 13

ГАРМАНОВ В. М.

Значение предупреждения
вторичной виктимизации
потерпевших в деятельности
сотрудников полиции. 18

СПЛАВСКАЯ Н. В.

Правосознание молодежи
как фактор их повышенной
виктимности 24

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ПРЕСТУПНОСТИ. ВИКТИМОЛОГИЯ ПРЕСТУПНОСТИ

ПУЧКОВ О. А.

Гипноз в раскрытии преступлений:
правоприменительный аспект 29

ПАНЬШИН Д. Л.

Виктимологическое измерение
российской экономической
преступности: анализ статистических
показателей 2009–2014 гг. 34

ВИНОКУРОВА М. А.

Основные виктимологические аспекты
типологии поведения пострадавшего
в сфере неосторожных
профессиональных преступлений
медицинской направленности
(часть 2 статьи 109,
часть 2 статьи 118 УК РФ). 43

НАУЧНЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ

ФЕЩЕНКО П. Н.

Проблемы виктимологической
профилактики преступности
в современной России. 47

КАЙСИНА Т. П.

Пенитенциарная
виктимизация осужденных. 49

ОБЕРНИХИНА Е. Н.

Виктимологические особенности
насильственных преступлений,
совершаемых рецидивистами
в бытовой сфере. 54

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Правила представления
рукописей статей в научный
журнал «ВИКТИМОЛОГИЯ» 62

Обзор зарубежных
тематических изданий. 64

IN THIS ISSUE

Editor's column5

THE THEORY OF THE DOCTRINE ON THE VICTIM AND HUMAN RIGHTS

MAYOROV A. V.
On the concept of «victim»
in the criminal law.7

SOCIAL VICTIMOLOGY

**IOGOLEVICH N. I.,
IOGOLEVICH V. A.**
Theory of integrated individuality
as a basis of the personal
victimization of subject's concept13

GARMANOV V. M.
Value of the prevention
of secondary victimization
of the police.18

SPLAVSKAYA N. V.
The legal consciousness
of youth as a factor
of their increased victimization.24

CRIME PREVENTION. VICTIMOLOGY OF CRIME

PUCHKOV O. A.
Hypnosis in detection of crimes:
law-enforcement aspect29

PANSHIN D. L.
Victimological measuring
of the Russian economic crime:
analysis of statistics
of 2009-2014 period34

VINOKUROVA M. A.
Basic victimological aspects of typology
of behavior of the victim in the area
of negligent professional crimes
of medical focus
(part 2 of article 109, part 2
of article 118 of the criminal code
of the Russian Federation)43

SCIENTIFIC EVENTS

FESCHENKO P. N.
Problems of victimological prevention
of crime in modern Russia.....47

KAYSINA T. P.
Penitentiary victimization
of convicted persons49

OBERNIKHINA E. N.
Victimological characteristics
of violent crimes committed
by recidivists in domestic sphere54

INFORMATION FOR AUTHORS

Terms of manuscripts
of articles in the scientific
journal «VICTIMOLOGY».....62

The thematic review
of foreign publications64

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

Уважаемые коллеги!

Очередной номер нашего научно-практического журнала «Виктимология» 3(5) / 2015 представлен для вас.

Традиционная рубрика «Теория учения о жертве и права человека» представлена статьей, в которой рассматривается понятие «пострадавший», используемое в нормах уголовного и уголовно-процессуального законодательства, также определяются некоторые правовые проблемы применения анализируемых норм, обсуждается вопрос о необходимости разграничения материального и процессуального понятия потерпевшего на законодательном уровне и предлагается авторская позиция по использованию термина «пострадавший» в российском законодательстве.

Рубрика «Социальная виктимология» интересна, на наш взгляд, статьей «ТЕОРИЯ ИНТЕГРАЛЬНОЙ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ КАК ОСНОВА КОНЦЕПЦИИ ИНДИВИДУАЛЬНОЙ ВИКТИМНОСТИ СУБЪЕКТА», авторами которой являются Наталья Ивановна и Владимир Александрович Иоголевич. В представленной статье содержится анализ основных положений теории интегральной индивидуальности В. С. Мерлина. Авторами показаны актуальность и перспективность применения теории интегральной индивидуальности и полисистемного подхода в исследовании виктимности человека. В заключение спланированы и предложены основные этапы такого исследования.

Также в данной рубрике опубликована статья Виктора Михайловича Гарманова «ЗНАЧЕНИЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ВТОРИЧНОЙ ВИКТИМИЗАЦИИ ПОТЕРПЕВШИХ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОТРУДНИКОВ ПОЛИЦИИ». Автор выносит на обсуждение вопрос о значении предупреждения вторичной виктимизации потерпевших в деятельности полиции в целях изучения причин и условий, способствующих возникновению вторичной виктимизации потерпевших, поиска практических направлений применения результатов исследований

в данной области и совершенствования организации правоохранительной службы.

В статье заведующей кафедрой уголовного права Натальи Владимировны Сплавской «ПРАВОСОЗНАНИЕ МОЛОДЕЖИ КАК ФАКТОР ИХ ПОВЫШЕННОЙ ВИКТИМНОСТИ» затронута проблема влияния деформации правосознания молодежи на их виктимность. Автором отмечено, что современное общество нуждается в перестройке правосознания молодежи с целью уменьшения уровня уязвимости от преступности. В статье указывается в необходимости внедрения в образовательный процесс учебных заведений специальных программ по виктимологическому воспитанию молодежи. Интерес же представляет авторская коррекционная программа, раскрытая в данной статье.

Такая рубрика нашего журнала, как «Предупреждение преступности. Виктимология преступности», объединяет научные статьи, посвященные рассмотрению вопросов противодействия, предупреждения и профилактики различного рода преступлений, а также виктимологическому анализу современного общества. В данной рубрике хотелось бы особо отметить статью профессора кафедры правовых дисциплин Олега Александровича Пучкова «ГИПНОЗ В РАСКРЫТИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ: ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ», в которой рассматриваются вехи развития гипноза, определяется понятие «гипноз», раскрываются некоторые юридические аспекты применения гипноза в криминальной среде и правоприменительной деятельности.

Неменьший интерес представляет и статья Паньшина Д. Л. «ВИКТИМОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПРЕСТУПНОСТИ: АНАЛИЗ СТАТИСТИЧЕСКИХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ 2009–2014 гг.». Предметом проведенного исследования является выявление виктимологических тенденций состояния современной российской экономической преступности

на основании статистических данных за период с 2009 по 2014 год. Исследование направлено на анализ, оценку и сопоставление наблюдаемых виктимологических статистических изменений и динамику современной экономической преступности, а также на получение данных, позволяющих взглянуть на состояние виктимности населения от российской экономической преступности.

Продолжает рубрику статья молодого исследователя Винокуровой М. А. «ОСНОВНЫЕ ВИКТИМОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ТИПОЛОГИИ ПОВЕДЕНИЯ ПОСТРАДАВШЕГО В СФЕРЕ НЕОСТОРОЖНЫХ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ МЕДИЦИНСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ (ЧАСТЬ 2 СТАТЬИ 109, ЧАСТЬ 2 СТАТЬИ 118 УК РФ)», в которой рассмотрены различные подходы к классификации поведения пострадавшего по их роли в генезисе медицинских неосторожных преступлений.

В рубрике «Научные мероприятия» представлен краткий обзор заведующего кафедрой уголовного права и криминологии Павла Николаевича Феценко о проведении очередного круглого стола в Волго-Вятском институте (филиале) Университета имени О. Е. Кутафина на тему «Проблемы виктимологической профилактики преступности в современной России». Павел Николаевич отмечает, что проведение таких мероприятий в Институте стало

традиционным – это уже пятый круглый стол, посвященный обсуждению возможностей снижения преступности через профилактическое воздействие на потенциальных жертв преступных посягательств, собравший студентов и магистрантов не только данного учебного заведения, но также и других вузов – Вятского государственного университета, РАНХиГС и Московского гуманитарно-экономического института. Доклады, представляющие научный интерес, были рекомендованы к опубликованию в нашем журнале (Кайсина Т. П. «ПЕНИТЕНЦИАРНАЯ ВИКТИМИЗАЦИЯ ОСУЖДЕННЫХ» и Обернихина Е. Н. «ВИКТИМОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ НАСИЛЬСТВЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ РЕЦИДИВИСТАМИ В БЫТОВОЙ СФЕРЕ»).

В рубрике «Обзор тематических изданий» представлен краткий анализ о научно-практических изданиях, как отечественных, так и зарубежных, публикующих статьи, представляющие интерес для читателей нашего журнала.

Дорогие читатели, приглашаем вас к сотрудничеству в качестве авторов материалов и научных статей. Надеемся, что наш журнал будет полезен вам в научной и практической деятельности!

**С уважением,
главный редактор
А. В. Майоров**

Майоров А. В.

О ПОНЯТИИ «ПОСТРАДАВШИЙ» В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

В статье рассматривается терминология, использующаяся в законодательстве Российской Федерации, в специальной литературе и правоприменительной практике при определении лица, которому причинен вред в результате совершенного преступления. Анализируется понятие «пострадавший от преступления», используемое в нормах уголовного и уголовно-процессуального законодательства; определяются некоторые правовые проблемы применения анализируемых норм, а также ставится вопрос о необходимости разграничения материального и процессуального понятия «потерпевший» на законодательном уровне. Предлагается авторская позиция по рассматриваемому вопросу.

Ключевые слова: потерпевший, пострадавший, жертва преступления, юридическое понятие.

Любая наука, используя те или иные понятия, употребляемые в обыденной жизни, порой закладывает в них совершенно иной, отличный от первоосновного, смысл, а в отдельных случаях, наоборот, отдельные явления определяет другими, нововведенными терминами. Несомненно, что понятийный аппарат правовой науки, ввиду своей специфики и роли в общественной жизни, должен быть детально разработан, выверен и обоснован. Одна из задач науки в том и состоит, чтобы выверять термины и понятия, применяемые в законодательстве, исключать не соответствующие действительному характеру явлений и вводить новые, объективно отражающие сущность и содержание таких явлений. Применительно к нашей статье сделаем попытку анализа терминов, принятых для определения лиц, которым причиняется вред в результате совершения преступления, на предмет их использования в законодательстве, нормативно-правовых актах и правоприменительной практике.

Так, в научной (специальной) литературе и в законодательстве Российской Федерации при определении лица, кото-

рому причиняется тот или иной вред, используют различные термины: «потерпевший», «пострадавший», «жертва». Наиболее приемлемым и часто употребляемым как в литературе, так и в нормативно-правовых актах, является термин «потерпевший», который имеет также и законодательное закрепление. Например, Конституция РФ в ст. 52 содержит термин «потерпевший», аналогичный термин используют в уголовно-процессуальном (ст. 42 УПК РФ), административном (ст. 25.2 КоАП РФ), гражданском (ст. 1064, 1065, 1073 и др. ГК РФ) и уголовном (п. «з», «к» ст. 61; п. «и» ст. 63; ст. 76, 107, 110, 111, 112, 113, 123, 126, 127, 128, 131, 131, 132, 133, 162, 163, 302, 307, 308, 309, 311 и др. УК РФ) законодательстве [12. С. 48].

В специальной литературе неоднократно говорилось о том, что юридическое понятие «потерпевший» изначально принадлежит материальному (уголовному) праву, а своё законодательное закрепление находит в уголовно-процессуальном законодательстве России. Анализ ст. 42 УПК РФ показывает, что первоначально её содержание посвящено уголовно-правовой характеристике по-

терпевшего, а в последующем определяется порядок процессуального оформления для признания прав потерпевшего как участника уголовного процесса. По своей юридической природе и происхождению уголовно-процессуальное понятие потерпевшего фактически и юридически производно от уголовно-правового, устанавливается на основе последнего и выражает его внутренний смысл. Физическое лицо становится потерпевшим в уголовно-правовом смысле именно потому, что в отношении него совершено преступное посягательство, которым ему причиняется уголовно-наказуемый вред, и потому, что соответствующая уголовно-правовая норма указывает на него и на причинённый ему вред как на обязательные признаки определённого состава преступления. Так, например, Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ) предусматривает ответственность по ст. 107 «Убийство, совершенное в состоянии аффекта», в которой говорится о противоправном или аморальном действии (бездействии), а также противоправном или аморальном поведении потерпевшего. Данное положение статьи закрепляет уголовно-правовой статус потерпевшего как обязательный элемент объективной стороны состава преступления, но не уголовно-процессуальный статус [5].

Указание на наличие фактического потерпевшего как на признак преступления содержится также в ряде других статей Особенной части УК РФ, предусматривающих уголовную ответственность лишь в случае причинения ему вреда. Однако такое положение не позволяет говорить о процессуальных правах лица, которому причинен вред в результате совершения преступления. Основанием признания лица потерпевшим в процессуальном плане и закрепления его прав является наличие в уголовном деле достаточных данных, позволяющих заключить, что было совершено преступление и что непосредственно в результате его совершения был причинён соответствующий уголовно-наказуемый вред.

Однако, по мнению В. Я. Рыбальской, различие между уголовно-правовым и уголовно-процессуальным понятием потерпевшего относится не к содержательной, а к процессуальной стороне

и сводится к степени обоснованности факта причинения вреда, выраженной в соответствующем процессуальном документе [8. С. 126]. В свою очередь, Б. В. Сидоров отмечает, что «...надо иметь также в виду, что положение потерпевшего, его функции в уголовном праве и уголовном процессе специфичны, несхожи: в первом случае – это элемент преступления, важная структурная единица его состава, а во втором – это участник или субъект уголовно-процессуальной деятельности» [10. С. 63]. Так, для потерпевшего как субъекта уголовно-процессуальной деятельности требуется официальное оформление его статуса, поскольку лицо, которому преступлением причинён уголовно-наказуемый вред, может участвовать в деле в этом качестве, пользоваться соответствующими процессуальными правами и нести определённые обязанности потерпевшего (ч. 2 ст. 42 УПК РФ). Наличие же в содеянном необходимых уголовно-правовых признаков потерпевшего в соответствующей норме Особенной части УК РФ и установление их, равно как и других признаков состава преступления, позволяет правильно квалифицировать совершённое преступление, отразить результаты этого процесса в процессуальном документе и признать жертву конкретного противоправного посягательства потерпевшим, со всеми вытекающими последствиями.

Как нам видится, научный интерес представляет и позиция А. В. Сумачева, который в своей работе отмечает, что «...вопрос об удобстве использования термина “потерпевший” в сфере отраслей криминального цикла ставился неоднократно. Причина постановки данного вопроса заключалась в том, что потерпевший в уголовном праве и потерпевший в уголовном процессе – категории, явно не соответствующие друг другу. И дело здесь не только в генезисе “появления” потерпевшего в реальной действительности, в различии правосубъектности потерпевшего в уголовном и уголовно-процессуальном праве» [12. С. 45]. В условиях четкой предметной дифференциации отраслей права такое суждение является наиболее приемлемым, так как нормы УПК РФ призваны регулировать уголовно-процессуальные отношения и не должны опре-

делять первичные по отношению к ним категории. Так, В. И. Каминская в свое время отметила, что «исходя из подчиненной роли уголовно-процессуального законодательства по отношению к уголовному ... не допускает такого положения, чтобы при употреблении в процессуальном законе уголовно-правового понятия ему придавалось иное значение ... либо же в процессуальном законе конструировались или просто употреблялись какие-либо уголовно-правовые понятия, отсутствующие в самом уголовном законе» [3. С. 99].

Вызывает определенный интерес позиция Б. В. Сидорова о том, что не следует опасаться внесения в уголовный закон понятия «потерпевший», которое может привести к определённым неудобствам в применении закона, в частности к тому, что квалификация деяний по соответствующим статьям попадает в зависимость не от фактических обстоятельств происшедшего, а от наличия произведённых следственных действий (вначале – признание потерпевшим, только затем – квалификация). По мнению автора, «уголовно-правовое понятие потерпевшего указывает на того, кто может являться и фактически является потерпевшим от преступления, а уголовно-процессуальное определяет то, при каких условиях потерпевший становится участником уголовного процесса, носителем определённых присущих такому участнику прав и обязанностей» [10. С. 64–65].

Потерпевший в уголовно-правовом смысле существует объективно, независимо от признания жертвы преступления в качестве «потерпевшего» в процессуальном порядке. Появление его в уголовном процессе – факт объективной реальности. Полноправным субъектом уголовно-процессуальной деятельности лицо становится лишь после вынесения соответствующего постановления или определения о признании его потерпевшим.

В Федеральном законе от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» в ст. 2 «Лица, подлежащие государственной защите» в ч. 2 указывается: «Меры государственной защиты могут быть также применены до возбуждения

уголовного дела в отношении заявителя, очевидца или жертвы преступления либо иных лиц, способствующих предупреждению или раскрытию преступления» [11]. Несмотря на это, в правоприменительной практике возникают вопросы при принятии процессуальных решений по обеспечению мер безопасности, предусмотренных УПК РФ в отношении участников уголовного процесса [3, 6].

Следовательно, как в правоприменительной практике, так и на законодательном уровне усматривается несоответствие между «потерпевшим» как участником процессуальной деятельности и «потерпевшим» как объективной, материально-правовой категорией. В целом же, как представляется, необходимость терминологической упорядоченности в определении лиц, которым причинен вред, исходя из их материальной и процессуальной природы, не вызывает сомнения.

Таким образом, можно полагать, что потерпевший в уголовном праве – это прежде всего участник охраняемых уголовным законом общественных отношений, которому непосредственно преступлением причинен вред либо создана угроза причинения юридически значимого вреда.

Различия между материальным и процессуальным определениями термина «потерпевший» выражаются в том, что:

- в уголовном праве признаки потерпевшего необходимы для регулирования ответственности виновного, а в уголовном процессе – для всестороннего, полного и объективного правосудия;
- в уголовном праве им является лицо, непосредственно пострадавшее от совершения преступления, а в процессуальном праве допускается правопреемство;
- в УК РФ возникновение фигуры потерпевшего связано с моментом совершения преступления, а в УПК РФ – с производством процессуальных действий [9. С.80–81].

В соответствующей научной литературе неоднократно указывалось на то, что юридическая категория «потерпевший» по существу своему принадлежит к области материального (уголовного) права.

В связи с этим, разделяя мнения многих авторов, следует согласиться с позицией А. В. Сумачева, который считает, что «понятие лица, уголовно-охраняемым интересам которого причиняется вред, должно быть сформулировано, прежде всего, в уголовном законе. И данное понятие должно быть исключительно материально-правовым» [12. С. 47].

В доктринальной литературе было вполне обоснованное решение вопроса о терминологии в определении лиц, которым преступлением причинен вред. Для терминологической упорядоченности предлагалось определять лиц, понесших ущерб в результате совершения преступления, в уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве различными, сходными по смыслу терминами. Так, П. С. Яни предлагал определять потерпевших в уголовно-правовом смысле термином «пострадавший», а в уголовно-процессуальном – «потерпевший» [13. С. 41]. Аналогичной позиции придерживается и А. В. Сумачев, который предлагал заменить в уголовном праве термин «потерпевший» термином «пострадавший», так как «введение последнего в уголовный закон позволяет устранить существующие коллизии в толковании и применении закона, уточнить определение материальной категории, которая по своему семантическому происхождению и значению объективно отражает фактические последствия вредоприняющей деятельности в сравнении с термином “потерпевший”, упорядочить изложение и понимание материала и исключить излишние пояснительные отступления, встречающиеся в литературе» [12. С. 11–12].

Однако в большей степени представляет научный интерес по данной проблеме позиция Т. П. Будяковой, которая в своем исследовании предлагает ввести определение пострадавшего (*только когда им выступает физическое лицо*) в уголовном праве, предлагая сформулировать его следующим образом: «Пострадавшим является физическое лицо, которому преступлением причинен физический, имущественный, моральный, а в особом случае и социальный вред» [1. С. 30]. При этом автор в обоснование своей концепции предлагает законодательное закрепле-

ние понятий «социальный вред» и «особый случай»¹.

Необходимо отметить, что уголовно-правовое понятие потерпевшего первично по отношению к процессуальному. На это указывает Определение КС РФ от 18 января 2005 г. № 131-О: «Правовой статус лица как потерпевшего устанавливается исходя из фактического его положения: он лишь процессуально оформляется постановлением дознавателя, следователя или суда о признании потерпевшим, но не формируется им»².

В связи с этим можно предположить, что с точки зрения материального права термин «пострадавший» при определении лиц, которым причинен вред, мог бы быть более предпочтителен по следующим основаниям:

1) введение в уголовный закон термина «пострадавший» как материальной категории позволило бы устранить существующие коллизии в толковании и применении закона;

2) по своему происхождению и значению термин «пострадавший» более объективно отражает фактические воздействия и причиненный вред в сравнении с термином «потерпевший»;

3) использование различных по своему содержанию (материальному и процессуальному) юридических категорий – «пострадавший» и «потерпевший» – в специальной литературе также позволило бы упорядочить изложение и понимание материала и исключить излишние пояснительные отступления.

В заключение хотелось бы отметить, что позиция ряда авторов о введении в юридический оборот отраслей криминального цикла термина «пострадавший» как категории материального (уго-

¹ По мнению Т. П. Будяковой: «Социальный вред — это нарушение преступлением личных немущественных прав пострадавшего без претерпевания им физических и нравственных страданий. Особым случаем считается неспособность по не зависящим от пострадавшего причинам испытывать нравственные и физические страдания при нарушении преступлением его личных немущественных прав».

² См.: Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 18 января 2005 г. № 131-О По запросу Волгоградского гарнизонного военного суда о проверке конституционности части восьмой статьи 42 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: <http://www.ksrf.ru/ru/Decision/Pages/default.aspx>

ловного) права является, на наш взгляд, обоснованной. При этом уголовное законодательство должно содержать понятие именно пострадавшего от преступления, а уже в уголовно-процессуальном

законодательстве следует определять процессуальные особенности реализации прав и обязанностей пострадавшего и порядок признания его потерпевшим от преступления.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Будякова Т. П. Виктимологическая профилактика преступлений, причинивших моральный вред. – СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2005.
2. Зуев С. В. Противодействие организованной преступности в России и за рубежом (общетеоретические и прикладные проблемы права) : монография. М.: Юрлитинформ, 2013.
3. Каминская В. И. Взаимоотношение уголовного и процессуального права // Вопросы борьбы с преступностью. Вып. 22. М. : Юридическая литература, 1975.
4. Красиков А. Н. Сущность и значение согласия потерпевшего в советском уголовном праве. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1976.
5. Майоров А. В. Понятие «потерпевший» в контексте материального и процессуального права // Проблемы права. – 2013. – № 5 (43). – С. 83–88.
6. Майоров А. В. Виктимологическая модель противодействия преступности : монография. М.: Юрлитинформ, 2014.
7. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 18 января 2005 г. № 131-О По запросу Волгоградского гарнизонного военного суда о проверке конституционности части восьмой статьи 42 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: <http://www.ksrf.ru/ru/Decision/Pages/default.aspx>
8. Рыбальская В. Я. Уголовно-правовое, уголовно-процессуальное и виктимологическое понятие потерпевшего // Правоведение. – 1976. – № 3.
9. Сидоренко Э. Л. О статусе потерпевшего в уголовном праве // Журнал российского права. – 2011. – № 4.
10. Сидоров Б. В. Поведение потерпевших от преступления и уголовная ответственность : дис. ... д-ра юрид. наук / Б. В. Сидоров – М., 1998.
11. Собрание законодательства Российской Федерации. – 2004. – № 34. – Ст. 3534.
12. Сумачев А. В. Потерпевший в уголовном праве (анализ основных проблем) : монография. Нижневартовск : Филиал ЮУрГУ в г. Нижневартовске, 2005.
13. Яни П. Законодательное определение потерпевшего от преступления // Российская юстиция. – 1995. – № 4.

МАЙОРОВ Андрей Владимирович, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой Южно-Уральского государственного университета (национальный исследовательский университет).
E-mail: AV_Majorov@mail.ru

Mayorov A. V.

ON THE CONCEPT OF «VICTIM» IN THE CRIMINAL LAW

The article deals with the terminology used in the legislation of the Russian Federation, in the literature, and law enforcement practice in determining a person who has suffered damage as a result of the offense. A concept of the victim of a crime, used in the regulations of criminal law and law of criminal procedure; some of the legal problems of the analyzed application standards are identified, as well as the question of necessity of separation substantial and procedural concepts of the victim at the legislative level. The author's position on the issue is offered.

Keywords: *suffered, victim, victim of a crime, legal concept.*

MAYOROV Andrey V., candidate of law, associate Professor, Legal Disciplines Department Chairman, South Ural State University (national research university).
E-mail: AB_Majorov@mail.ru

ИГОЛЕВИЧ Н. И., ИГОЛЕВИЧ В. А.

ТЕОРИЯ ИНТЕГРАЛЬНОЙ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ КАК ОСНОВА КОНЦЕПЦИИ ИНДИВИДУАЛЬНОЙ ВИКТИМНОСТИ СУБЪЕКТА

В статье содержится анализ основных положений теории интегральной индивидуальности В. С. Мерлина. Показаны актуальность и перспективность применения теории интегральной индивидуальности и полисистемного подхода в исследовании виктимности человека. Спланированы и предложены основные этапы такого исследования.

Ключевые слова: интегральная индивидуальность, полисистемный подход, виктимность, жертва, виктимологическая профилактика.

Вопросы виктимологической профилактики преступлений напрямую связаны с проблемой познания индивидуальных особенностей, значимых биологических, психофизиологических, психологических, социальных характеристик человека, обуславливающих во взаимодействии с внешней средой при определенных обстоятельствах вероятность стать жертвой преступления.

Среди основных задач виктимологии В. И. Полубинский отмечает «исследование социальной, психологической и биофизической структуры всех категорий жертв» [9, С. 31]. Изучение особенностей этих структур у жертв позволило бы, как справедливо считает автор, установить с виктимологических позиций причины и условия, способствующие совершению определенных видов преступлений, уточнить форму взаимоотношений жертвы с правонарушителем и определить наиболее действенные меры по виктимологической профилактике разных видов преступлений.

Для изучения индивидуальных психологических особенностей человека, определяющих его виктимность, необхо-

димо выработать подход, на основе которого мы могли бы получить требуемые данные.

Познание человека, как известно, носит междисциплинарный характер, однако многие ключевые понятия и их соотношение, к которым относятся и интересующие нас «индивид», «личность», «индивидуальность», «структура личности», «структура индивидуальности» жертвы (потерпевшего), до сих пор являются дискуссионными. Тот факт, что на сегодня не создано единой теории личности, говорит о сложности и уникальности данного феномена. Изучению проблемы личности и ее структуры посвящены труды представителей наук о природе и обществе: философии, психологии, социологии, педагогики и т. п. Эта проблема была и остается фундаментальной для отечественной психологии. Единство и сложное взаимодействие биологического и социального в человеке, целостное представление о личности, выделение основного системообразующего признака изложены в концепциях личности А. Ф. Лазурского, В. Н. Мясищева, А. Н. Леонтьева, С. Л. Рубинштейна, Л. С. Выготского,

А. Г. Ковалева, К. К. Платонова, В. С. Мерлина, Б. Г. Ананьева, Д. Н. Узнадзе, В. А. Ядова и др. Оставляя за рамками данной статьи обзор этих подходов, отметим, что при установлении структуры личности важен принцип системности, который предполагает определение иерархического строения и выявление типов связи со свойствами, относящимися как к одному, так и к разным иерархическим уровням. Наибольшую известность приобрела концепция динамической структуры личности К. К. Платонова, согласно которой личность представляет собой систему, состоящую из четырех уровней, развивающуюся во времени, изменяющую состав входящих в нее элементов и связей между ними, при сохранении функции. В русле решения задачи познания социальной, психологической и биофизической структуры личности потерпевших более перспективным и информативным, с нашей точки зрения, является подход с позиции теории интегральной индивидуальности В. С. Мерлина.

В. С. Мерлин, опираясь на положения общей теории систем, первым стал широко использовать понятие «интегральная индивидуальность» (ИИ) [6]. В психологической науке понятие «интегральная индивидуальность» или «совокупность внутренних условий» восходит к работам С. Л. Рубинштейна [11]. Он рассматривал совокупность внутренних условий как синтез низших и высших специфических свойств, выполняющих в деятельности определенную приспособительную функцию. Но С. Л. Рубинштейн так же, как и Б. Г. Ананьев, трактует индивидуальность как совокупность, набор или симптомокомплекс свойств [1]. В. С. Мерлин стал широко использовать понятие ИИ, исходя из объяснительного принципа общей теории систем применительно к индивидуальности человека.

Интегральная индивидуальность (ИИ) рассматривается как большая саморегулируемая и самоактуализирующаяся система, состоящая из индивидуальных свойств и индивидуального характера связи между ними. В. С. Мерлин выделяет следующие иерархические уровни большой системы ИИ: 1) система индивидуальных свойств организма; 2) система индивидуальных психических свойств; 3) система социально-психологических свойств.

Подсистемами уровня индивидуальных свойств организма являются биохимическая, общесоматическая и нейродинамическая. Применительно к описанию индивидуальности любого человека, в том числе и потерпевшего, подсистема индивидуальных свойств организма включает такие характеристики, как пол, возраст, национальность, конституциональные особенности телосложения, функциональная организация мозговой деятельности, нейродинамические свойства мозга, наследственные заболевания, свойства нервной системы, состояние здоровья и т. п. Часть из них присущи человеку от рождения и не меняются с возрастом (например, раса, пропорции тела, пол), а часть из них в процессе жизни может претерпевать изменение (возраст, состояние и особенности здоровья).

В систему индивидуальных психических свойств входят такие подсистемы, как психодинамические свойства (свойства темперамента) и психические свойства личности (мотивы, черты характера, свойства восприятия, памяти, мышления и т. п.).

К социально-психологическим свойствам ИИ относят подсистемы социальных ролей в группах (профессиональные роли, семейные и т. п.) и социально-исторических общностях (национальность, социальное происхождение, статус и т. п.). Реализация этих ролей личностью является значимым фактором, определяющим жизненные ценности и психическое благополучие человека.

Необходимо отметить, что в большинстве концепций личность рассматривается как многоуровневое целостное образование, в котором чаще всего выделяются биологические и социально обусловленные подструктуры соответствующих свойств, а связи между показателями этих уровней определяются как прямые и/или инвариантные. Одним из основополагающих положений теории ИИ является утверждение о том, что свойства ИИ организованы в системы и подсистемы и структурированы по иерархическому принципу: каждый низший уровень обуславливает явления вышележащих уровней и сам, в свою очередь, видоизменяется в зависимости от этих уровней. Каждая подсистема образует определенный уровень ИИ. Сообразно теоретическим предпосылкам структурная целост-

ность ИИ обеспечивается двумя типами детерминации: каузальным и телеологическим. Первый преимущественно обнаруживается в связях между свойствами одного уровня, имеющими однозначный характер (взаимо-однозначный, одно-многочисленный и много-однозначный). Они обеспечивают относительную автономию подсистем ИИ, характеризуя тенденцию к автономии, дифференциации, стабилизации. Второй проявляется при образовании связей свойств разных уровней и потому носит много-многочисленный характер.

Много-многочисленные связи рассматриваются не только как каузальные, но и как определяемые иным типом детерминации. Благодаря этому прямое сведение биологического к социальному и обратно – социального к биологическому становится невозможным. Следовательно, с позиции теории ИИ анализу подвергаются не только инвариантные функциональные зависимости внутри подсистем, но и много-многочисленные связи между разноуровневыми свойствами.

Если теперь обратиться к работам, посвященным индивидуальной виктимности, в которых анализируются психологические детерминанты виктимного поведения [2, 5, 7, 9], и к работам, выдвигающим и обосновывающим различные типологии жертв (в том числе и потенциальных) [3, 9, 10], то в них авторы выделяют и изучают **разрозненно!** характеристики, относящиеся либо к биологическому, либо к психологическому или социальному уровням личности жертвы. При этом подразумевается инвариантная связь между той или иной характеристикой и виктимностью человека. Таким образом, авторы оставляют без внимания крайне важный, на наш взгляд, вопрос о связях между одно- и разноуровневыми характеристиками и их детерминации виктимного поведения.

Категория много-многочисленности, заложенная в теории ИИ, обобщает ряд проблем в науках о человеке, которые до настоящего времени рассматриваются изолированно и независимо друг от друга: биосоциальная, психофизиологическая, соотношение социологических и социально-психологических закономерностей. Обобщение этих проблем одной категорией предполагает, что существует некоторый общий принцип их разре-

шения. Таким принципом является наличие во всех этих типах отношений опосредующих звеньев. В. С. Мерлин полагал, что установление их – одна из задач интегрального исследования индивидуальности человека. В качестве основного звена он считал индивидуальную организацию деятельности и жизнедеятельности. Связь между биологически и социально обусловленными индивидуальными свойствами, между физиологическими свойствами и психологическими, между темпераментом и свойствами личности и социальными ролями и т. д. имеет каузальную и телеологическую детерминацию и изменяется в зависимости от индивидуальной организации деятельности [6]. Итак, в теории ИИ В. С. Мерлина интегральная индивидуальность – это не совокупность особых свойств, отличная или противоположная другой совокупности, обозначаемая как характеристика типичности человека. Интегральная индивидуальность – это особый, выражающий индивидуальное своеобразие характер связи между всеми свойствами человека, т. е. целостная характеристика его индивидуальности. Это динамическая система, обеспечивающая приспособление человека к среде [4, 8], особая форма бытия отдельного человека в обществе, в рамках которой он живет и действует как автономная, уникальная и неповторимая система, сохраняя свою целостность и тождественность в условиях внутренних и внешних изменений [6].

Все вышеизложенное позволяет утверждать, что изучение личности жертв различных видов преступлений в русле теории ИИ позволит выявить индивидуальную виктимность человека, рассматривая ее как интегральную характеристику, включающую биологические, психофизиологические, психологические, социальные показатели.

На первом этапе такого исследования следует определить структуру индивидуальной виктимности, ее детерминанты, характер взаимосвязей с разноуровневыми свойствами интегральной индивидуальности: нейродинамическими, психодинамическими, личностными, социально-психологическими, установить возрастные, половые, профессиональные особенности индивидуальной виктимности в структуре ИИ. Полученные данные

могут быть положены в основу при создании универсальной типологии жертв преступлений.

Второй этап исследования должен быть посвящен изучению всей системы факторов и их взаимовлияния, определяющих возможность совершения преступления. К ним относятся особенно:

- интегральной индивидуальности потенциальной жертвы;
- взаимодействия и общения с преступником;
- ситуации.

Изучение данной системы предполагает использование качественно нового – полисистемного подхода к изучению жертвы преступлений. Такой переход от интегрального к полисистемному исследованию жертвы дает возможность более полно представить механизмы взаимодействия различных систем:

- системы ИИ жертвы с ИИ преступника;
- системы ИИ жертвы с социальной средой;
- системы ИИ жертвы и ситуации и т. д.

Это, по нашему мнению, позволило бы выявить детерминанты и роль различных психологических факторов в создании условий, способствующих совершению преступлений в отношении данной жертвы.

Третий этап предполагает (на основе полученных на предыдущих этапах результатов исследования) разработку и апробацию программы по коррекции индивидуальной виктимности и психологическому сопровождению виктимологической безопасности. Такая программа может стать одним из направлений виктимологической профилактики преступлений.

Таким образом, теоретический анализ показывает, что использование теории интегральной индивидуальности и полисистемного подхода к исследованию индивидуальной виктимности человека является перспективным, так как позволяет наиболее полно и комплексно выявить биологические, психологические и социальные детерминанты и механизмы виктимизации личности и на научной основе проводить мероприятия по повышению виктимологической безопасности.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Ананьев, Б. Г. Психология и проблемы человекознания. Избранные психологические труды / Б. Г. Ананьев; под ред. А. А. Бодалева. – М.: Воронеж: МОДЭК, 1996. – 384 с.
2. Будякова Т. П. Индивидуальность потерпевшего и моральный вред: монография / Т. П. Будякова – СПб.: Юридический центр-Пресс, 2005. – 249 с.
3. Варчук, Т. В. Виктимология : учеб. пособие / Т. В. Варчук, К. В. Вишневецкий. – М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2010. – 191 с.
4. Интегральная индивидуальность человека и ее развитие / под ред. Б. А. Вяткина. – М.: Изд-во ИП РАН, 1999. – 328 с.
5. Малкина-Пых И. Г. Виктимология. Психология поведения жертвы. Новейший справочник / И. Г. Малкина-Пых. – М.: Эксмо, 2010. – 864 с.
6. Мерлин, В. С. Очерк интегрального исследования индивидуальности / В. С. Мерлин. – М.: Педагогика, 1986. – 256 с.
7. Назаров В. И., Майоров А. В. Виктимология: вчера, сегодня, завтра // Виктимология. – 2014. – № 1 (1). – С. 6–12.
8. Полисистемное исследование индивидуальности человека / под ред. Б. А. Вяткина. – М.: ПЕР СЭ, 2005. – 384 с.
9. Полубинский В. И. Фундаментальные и прикладные начала криминальной виктимологии : Монография / В. И. Полубинский. – М.: ВНИИ МВД России, 2010. – 227 с.
10. Ривман, Д. В. Криминальная виктимология / Д. В. Ривман. – СПб.: Питер, 2002. – 304 с.
11. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии : В 2 т. / С. Л. Рубинштейн. – М.: Педагогика, 1989. – Т. 2. – 328 с.

Иоголевич Наталья Ивановна, доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры гуманитарных и социальных наук Тюменского государственного архитектурно-строительного университета. г. Тюмень.
E-mail: kgns@tgasu.ru

Иоголевич Владимир Александрович, кандидат технических наук, доцент, начальник Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России. г. Тюмень.

Iogolevich N. I., Iogolevich V. A.

THEORY OF INTEGRATED INDIVIDUALITY AS A BASIS OF THE PERSONAL VICTIMIZATION OF SUBJECT'S CONCEPT

The article deals with basis provisions of V.S. Merlin's theory of integrated individuality. The polysystem approach is important direction of the further development of the concept of integrated individuality. Possibilities of the polysystem approach for research of a person's victimization are shown. The main stages of such research are planned and offered.

Keywords: *integrated individuality, the polysystem approach, victimization, the victim, victimological prevention measures.*

Iogolevich Natalia, PsyD, senior lecture, professor of department of humanities and social sciences of Tyumen State Architectural University. Tyumen.
E-mail kgns@tgasu.ru

Iogolevich Vladimir, Cand.Tech.Sci., senior lecture, the head of Tyumen Advanced Training Institute of improvement of the MI Affairs of Russia. Tyumen.

Гарманов В. М.

ЗНАЧЕНИЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ВТОРИЧНОЙ ВИКТИМИЗАЦИИ ПОТЕРПЕВШИХ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОТРУДНИКОВ ПОЛИЦИИ

В статье рассматривается значение предупреждения вторичной виктимизации потерпевших в деятельности полиции в целях поиска практических направлений применения результатов исследований в данной области. Рассматриваются направления предупреждения данного явления, связанные с совершенствованием организации правоохранительной службы, изучением причин и условий, способствующих возникновению вторичной виктимизации потерпевших.

Ключевые слова: предупреждение виктимности, деятельность полиции, профессиональная подготовка сотрудников полиции.

В соответствии с п. 2 ч. 1 ст. 2 Федерального закона Российской Федерации от 07 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции», одним из основных направлений деятельности полиции является предупреждение и пресечение преступлений и административных правонарушений [1]. Перспективным направлением современной виктимологии является исследование проблемы вторичной виктимизации потерпевших. Особый интерес подобные исследования представляют в сфере деятельности органов внутренних дел, поскольку одним из результатов правоохранительной деятельности должно быть успешное предупреждение преступлений и иных правонарушений.

Указание в ч. 1 ст. 1 Федерального закона Российской Федерации от 07 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» на предназначенность полиции «для защиты жизни, здоровья, прав и свобод граждан Российской Федерации, иностранных граждан, лиц без гражданства, для противодействия преступности, охраны общественного порядка, собственности и для обеспечения общественной безопасности» и закрепленное в ч. 2 данной статьи положение о том, что «полиция незамедлительно приходит на помощь каждому, кто нуждается в ее защите от пре-

ступных и иных противоправных посягательств» [1] затрагивают важный вопрос о роли правоохранительных органов в обществе и ожиданиях современного общества от таких структур.

Еще в 1907 году об отношении к населению со стороны полиции и о правах населения А. А. Лопухиным было сказано, что «...полиция должна стать в положение к нему служебное, и только в обеспечивающем эти права законе черпать директивы своей деятельности» [2. С. 11]. В одном из специальных исследований в области управления в правоохранительной сфере С. А. Капитонов подчеркивал, что «социальный заказ общества для милиции – уменьшение вероятности совершенных преступлений и правонарушений в аналогичных ситуациях впрямь там, где для этого есть соответствующие условия» [3. С. 93]. Таким образом, деятельность полиции, подчиненная этой задаче и выстроенная так, чтобы обеспечить указанные ожидания общества, должна оказывать максимальное влияние на предупреждение преступлений, исключать случаи неправомерных или незаконных действий сотрудников полиции в тех случаях, когда требуются именно профессиональные действия.

Сегодня важно понимать сущность явления вторичной виктимизации и роль полиции в его предупреждении. Г. Й. Шнайдер писал о том, что «вред (ущерб), наносимый преступлениями, может быть первичным и вторичным (повторным)», при этом автор отмечал, что вторичный вред может быть обусловлен недостаточной неформальной или формальной реакцией на первичную виктимизацию, относя к такой формальной реакции поведение субъектов, призванных осуществлять контроль за преступностью [4. С. 362].

Указанный автор, а также другие исследователи уделяют внимание социальным и психологическим сторонам явления вторичной виктимизации, вопросам возмещения вреда, причиненного жертве в таких условиях. Например, в исследовании Е. Н. Клещиной виктимность в широком смысле связывается с неэффективностью деятельности правоохранительных органов, автором также подчеркивается, что «повторную виктимизацию может обуславливать и несовершенство законодательства, когда потерпевший сталкивается с формализацией законодательства, либо неурегулированностью в нем отношений» [5. С. 29]. Таким образом, в специальной литературе обращается внимание на проблему связи формальной реакции со стороны представителей правоохранительных органов и вторичной виктимизации потерпевших.

Заметим, что усиление роли различных мер специально-криминологического предупреждения преступлений в современной полицейской практике, развитие виктимологической профилактики и ее четкая организация, примеры задержания лиц на стадии неоконченной преступной деятельности и предупреждение доведения преступления до конца, задержание преступников, совершающих серийные насильственные преступления, пресечение деятельности преступных групп, нацеленных на осуществление преступной деятельности, – вот те положительные примеры обеспечения виктимологической защиты потенциальных потерпевших в деятельности полиции. Однако можно встретить и противоположные примеры, в которых повторная виктимизация потерпевшего часто связана с недостатками деятельности по ее предупреждению и рядом неправильных действий сотрудников полиции.

В одном из примеров судебной практики был описан следующий случай. Поздно вечером сотрудники патрульно-постовой службы доставили в дежурную часть ОВД находящегося в состоянии алкогольного опьянения К. за совершение мелкого хулиганства. При этом от его матери, проживавшей совместно с К., в письменном виде поступило заявление о том, что ее сын в тот же вечер перед своим задержанием, находясь в квартире, избивал ее и бабушку, вымогал у них деньги на выпивку, угрожая им убийством. Заявитель убедительно просила не отпускать ее сына домой, опасаясь со стороны последнего расправы, поскольку тот находился в состоянии алкогольного опьянения, вел себя агрессивно и не контролировал свои действия. Однако после того, как около 4 часов утра К. был отпущен домой сотрудником дежурной части П., он, находясь в состоянии с остаточными признаками алкогольного опьянения, в ходе вновь возникшего конфликта со своей матерью совершил ее убийство [6].

Изучение таких ситуаций позволяет понять, что огромное значение, в том числе с позиции формирования научно-методических основ подготовки сотрудников полиции и задач совершенствования предупреждения виктимизации потерпевших, представляют исследования возможности влияния действий сотрудников полиции на развитие или предупреждение процесса вторичной виктимизации потерпевших. Как подчеркивается в литературе, посвященной исследованиям в области виктимологии, «практический интерес... представляет возможность выявления потенциальной виктимности на первой стадии (первичная виктимность), а также возможность снизить уровень вторичной виктимности с учетом повышения уровня защищенности (безопасности) конкретными мерами» [7. С. 54]

В исследовании Т. П. Будяковой виктимологическая профилактика связана, в том числе, с системой мероприятий, обеспечивающих предупреждение вторичной виктимизации потерпевших. Ей подчеркивается важность самостоятельного изучения профилактики вторичной виктимизации жертвы, конечной целью которой, как отмечает автор, выступает предотвращение ее повторной виктимизации или криминализации [8. С. 12, 25].

Последнее направление исследований также представляет интерес, так как существует определенная возможность влияния на вероятность совершения преступления в отношении виновника конфликтной ситуации лицом, ранее выступавшим жертвой от его посягательств.

На основе исследований в области виктимологии могут возникнуть предпосылки совершенствования организационной деятельности полиции в сфере обеспечения виктимологической безопасности личности. В правоохранительной деятельности одной из практических мер должна быть прежде всего правильная организация действий сотрудников полиции при выявлении в определенных типовых случаях условий, указывающих на потенциальную виктимность потерпевшего и дальнейшую возможность причинения вреда его правоохраняемым интересам. Поэтому одним из факторов в снижении возможности вторичной виктимизации и повышении защищенности (безопасности) потенциальных потерпевших являются организационные мероприятия, осуществляемые правоохранительными органами, деятельность которых должна основываться на научнообоснованных представлениях о причинах и условиях детерминации вторичной виктимизации потерпевших.

Очевидно, что для этой цели может потребоваться создание четкой типологизации определенных ситуаций посягательств в отношении потерпевших, особый интерес представляет также исследование в области типологизации поступающих в органы внутренних дел заявлений и сообщений о происшествиях и преступлениях в зависимости от их характера. На их основе можно выделять возможные варианты ситуаций, при которых возникает вторичная виктимизация, прогнозировать определенное количество таких случаев и, что самое важное, это дает возможность нестандартно подходить к изучению результатов и критериев эффективности деятельности полиции по предупреждению преступлений.

Анализ указанной проблематики позволит нам сделать ряд выводов о системе законодательства и нормативных правовых норм, регламентирующих деятельность органов внутренних дел в части их конкретных функций как субъектов специального предупреждения преступле-

ний. Возможно определение характера положений этих документов и направленность на предупреждение вторичной виктимизации в конкретных ситуациях (группах таких ситуаций), либо выявление несовершенства законодательных предписаний для предупреждения рассматриваемого явления.

Это указывает на огромный потенциал и практическое значение исследований в области виктимологии, которые могут выступить основой для критического анализа сегодняшних возможностей полиции в предупреждении вторичной виктимизации и дополнительного обоснования, конкретизации и развития содержания определенных прав и обязанностей полиции. Такие исследования, безусловно, могут стать теоретической и практической основой для совершенствования полицейского законодательства.

В частности, Д. В. Ривман и В. С. Устинов подчеркивали зависимость профилактики преступлений от ряда обстоятельств, например, формальной возможности изоляции действующих лиц конфликтной ситуации, наличия у государственных органов «сил и средств для своевременного пресечения криминального развития событий» [9. С. 185]. Одним из интересных вариантов может быть выработка правовых оснований действия полиции по отдалению (изоляции) жертвы и виновного лица, контроль и реагирование со стороны полиции за последующим поведением виновного лица. Такой опыт предупреждения вторичной виктимизации реализован в ряде зарубежных стран. Например, в ФРГ в сфере противодействия насилию в домашней сфере источниками полицейского права различных федеральных земель предусмотрена возможность применения таких мер полицейского воздействия, как: 1) удаление из квартиры (дома) лица, от которого исходит опасность; 2) запрет прихода в квартиру (дом) и запрет вступления в контакт такому лицу [10. С. 44–43]

Изучение материалов судебной и следственной практики позволяет заметить и указать на особенности существующих подходов к организации правоохранительной деятельности и имеющиеся проблемы, которые должны быть предметом самостоятельных исследований. В этой связи интерес представляет позиция о связи виктимности и степени объ-

ективной возможности (или невозможности) правоохранительными органами защитить потерпевшего в определенной ситуации. Неполнота регистрации заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях является серьезным нарушением положений Приказа МВД России от 29 августа 2014 года № 736 «Об утверждении Инструкции о порядке приема, регистрации и разрешения в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях». Конечно, неполнота регистрации может быть связана с рядом объективных причин. Но проблема как раз состоит в том, что в отдельных случаях, например, при искажении такой информации или фиксации заведомо неполной информации, которая не содержит сведений, требующих первоочередного реагирования, это может привести к трагическим последствиям [11].

Такие примеры помогают еще раз обратиться к смыслу и значению положений ч. 2 ст. 1 Федерального закона Российской Федерации от 07 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» о том, что «полиция незамедлительно приходит на помощь каждому, кто нуждается в ее защите от преступных и иных противоправных посягательств» [1], указать на важность быстроты, точности и гарантии профессионального оказания полицейской помощи, выделить роль как отдельных служб территориальных органов МВД России, так и роль действий конкретного сотрудника полиции в предупреждении виктимности потерпевшего.

Вряд ли угроза применения уголовного наказания в приведенных примерах может быть действенным фактором предупреждения случаев халатного выполнения должностных обязанностей. В. А. Никонов подчеркивал важность совершенствования информационного воздействия наказания и замечал, что «...для раскрытия регулятивной функции угрозы наказания... необходимо выяснить, чем определяется сознательное волевое поведение, почему индивиды среди множества возможных вариантов поведения выбирают тот или иной и какова при этом роль угрозы наказания» [12. С. 180, 53–54]. Дополнительные исследования в области пред-

упредительного воздействия уголовного наказания и предупреждения должностных преступлений позволят сказать об этом. Однако уже сейчас очевидно, что изучение и анализ примеров, аналогичных приведенным выше, затрагивает чрезвычайно важный вопрос о нравственно-этическом содержании правоохранительной службы, мотивации сотрудников полиции к выполнению профессиональных задач. Возможность предупредить похожие ситуации существует при правильной организации правоохранительной деятельности, кроме этого, она имеется и при правильном понимании сотрудниками полиции особенностей ряда ситуаций, а также знании об опасной связи формальной реакции со стороны представителей правоохранительных органов и вторичной виктимизации потерпевших. Безусловно, анализ таких примеров имеет воспитательный аспект и не может пройти бесследно для сотрудников полиции, как впервые принятых на службу в органы внутренних дел, так и достаточно давно выполняющих должностные обязанности.

С учетом сказанного выше считаем возможным обратить внимание на следующие направления предупреждения вторичной виктимизации потерпевших:

- 1) изучение причин и условий, способствующих совершению преступлений, связанных с вторичной виктимизацией потерпевших;

- 2) изучение механизма виктимизации потерпевших в связи с неправильными действиями сотрудников полиции;

- 3) выявление лиц, которые при определенных условиях могут оказаться жертвами преступлений;

- 4) выполнение конкретных и четко обоснованных действий со стороны полиции по обеспечению безопасности таких лиц и минимизации риска стать жертвами преступлений;

- 5) формирование профессионально-этических стандартов поведения сотрудников полиции и ответственности за результат своих действий в процессе выполнения служебных обязанностей.

Мы считаем, что необходимо изучение рассматриваемой проблемы и включение результатов и выводов соответствующих исследований в процесс обучения сотрудников полиции. Для этой цели может потребоваться анализ отдельных

ситуаций, в которых отражается явление вторичной виктимизации потерпевших, создание учебных задач, в которые могли бы включаться определенные условия, касающиеся положительных примеров предупреждения виктимизации потерпевших в результате действий сотрудников полиции. Также следует описывать противоположные ситуации, в которых бездействие сотрудника полиции, либо, что еще более важно с практической точки зрения, упущения и промахи в организации правоохранительной деятельности, явились условиями для причинения вреда потерпевшим.

Подобные исследования позволяют понять «цену» правильного и небрежного выполнения должностных обязанностей,

характер и объем изменений в социальной действительности, не только связанных с совершением преступлений отдельными лицами в отношении потерпевших, но и с действиями должностных лиц правоохранительных органов, реагирующих на заявления и сообщения о таких происшествиях.

Полученные результаты могут помочь усилить значение ряда специальных криминологических исследований в области предупреждения отдельных видов преступлений, оказать влияние на совершенствование деятельности полиции, в том числе вырабатывать критерии оценки эффективности предупреждения преступлений как одного из направлений деятельности полиции.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. О полиции : Федеральный закон Российской Федерации от 7 февраля 2011 года № 3-ФЗ (с послед. изм. и доп.) // [Электронный ресурс] справочная правовая система КонсультантПлюс. Режим доступа: <http://www.consultant.ru>. Загл. с экрана.

2. Лопухин А. А. Из итогов служебного опыта: настоящее и будущее российской полиции, М., 1907. – 69 с.

3. Капитонов С. А. Ведущая функция милиции. – М., 2002. – 160 с.

4. Шнайдер Г. Й. Криминология. – М., 1994. – 502 с.

5. Клещина Е. Н. Криминологическое учение о жертве преступления и проблемы его реализации в законодательстве и деятельности органов внутренних дел : автореферат дисс. ... докт. юрид. наук. 12.00.08. – М., 2010. – 65 с.

6. Приговор Жуковского городского суда Московской области от 22 марта 2012 г. по уголовному делу в отношении П., осужденного по ч. 2 ст. 293 УК РФ // Судебные и нормативные акты РФ [Электронный ресурс]. – URL: <http://sudact.ru>. Загл. с экрана.

7. Майоров А. В. Концептуальные основы виктимологического противодействия преступности : Монография. – Челябинск, 2013. – 182 с.

8. Будякова Т. П. Виктимологическая профилактика преступлений, причинивших моральный вред : автореферат дисс. ... докт. юрид. наук по специальности 12.00.08 – уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право. – Тамбов, 2009. – 42 с.

9. Ривман Д. В., Устинов В. С. Виктимология : монография. – Н. Новгород, 1998. – 211 с.

10. Майле А. Д. Права полиции России и Германии: сходства и различия // Полиция – новый институт современной государственной правоохранительной системы : материалы всероссийской научно-практической конференции (15–16 сентября 2011 года) / отв. за выпуск С. М. Андреев. – Омск : Омская академия МВД России, 2012. – С. 41–43.

11. Приговор Октябрьского районного суда г. Владимира от 18 ноября 2011 года по уголовному делу в отношении Ж., осужденной по ч. 1 ст. 293 УК РФ // Судебные и нормативные акты РФ [Электронный ресурс]. – URL: <http://sudact.ru>. Загл. с экрана.

12. Никонов В. А. Эффективность общепредупредительного воздействия уголовного наказания (теоретико-методологическое исследование). – Тюмень, 1994. – 239 с.

Гарманов Виктор Михайлович, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры правовой подготовки сотрудников ОВД Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России, г. Тюмень, ул. Амурская, 75.
E-mail: garmanov.v.m1978@mail.ru

Garmanov V. M.

VALUE OF THE PREVENTION OF SECONDARY VICTIMIZATION OF THE POLICE

In article value of the prevention of secondary victimization of victims due to the activity of police with the aim of search of the practical directions of application of results of researches which in this sphere is considered. The directions of the prevention of this phenomenon connected with improvement of the organization of law-enforcement service, studying the reasons and circumstances promoting emergence of secondary victimization of the victims are considered.

Keywords: *prevention of victimization, activity of police, police officers training*

Garmanov Victor M., Master of Law, associate professor, assistant professor of the Chair of Legal Training of Law Enforcement Officers of the Tyumen Advanced Training Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Tyumen, Amurskaya St., 75.

E-mail: garmanov.v.m1978@mail.ru

Сплавская Н. В.

ПРАВОСОЗНАНИЕ МОЛОДЕЖИ КАК ФАКТОР ИХ ПОВЫШЕННОЙ ВИКТИМНОСТИ

В статье затронута проблема влияния деформации правосознания молодежи на их виктимность. Отмечено, что современное общество нуждается в перестройке правосознания молодежи с целью уменьшения уровня уязвимости от преступности. В статье указывается на необходимость внедрения в образовательный процесс учебных заведений специальных программ по виктимологическому воспитанию молодежи, а также представлена авторская коррекционная программа.

Ключевые слова: виктимность, виктимизация, преступность, правосознание, правовой нигилизм, жертва, молодежь.

Деформация правосознания стала бичом российского общества. Она проникла в область правовых знаний, частично разрушила установки и убеждения граждан, их правовое мировоззрение. К сожалению, приходится констатировать, что деформация правосознания коснулась не только взрослого населения, но и молодежи. В молодежной среде участились случаи употребления наркотиков, злоупотребления алкогольными и табачными изделиями, произошло увеличение числа преступлений, совершенных молодыми людьми. Поэтому первоочередной задачей государства и общества становится создание условий для оздоровления нации, в том числе и реализации системы мер по повышению правосознания граждан, и особенно молодых людей.

В настоящее время отмечается повышение научного интереса к данной проблематике. Учеными анализируются отдельные стороны деформации молодежного правосознания, подчеркивается теоретическое и практическое значение подобного рода исследований. Мы посчитали необходимым обратиться к этой проблеме в аспекте виктимологии и провели экспериментальное исследование влияния правосознания молодежи на их виктимность. В качестве основных респондентов к исследованию были привлече-

ны студенты и аспиранты Международного инновационного университета в возрасте 18–23 года.

Исследование подтвердило, что темпы роста преступности, правовая и социальная незащищенность значительной части молодежи, отсутствие необходимых механизмов реализации норм права порождают в молодых людях неверие в закон и государство и ведут к стремительному развитию правового нигилизма – особой формы мироощущения и социального поведения, которая выражается в полном неверии в потенциальные возможности права. Большинство студентов убеждены, что они предоставлены сами себе и что в чрезвычайной ситуации государство не сможет их защитить. Как показали результаты проведенного нами анкетирования, 91% опрошенных уверены, что в любой момент могут стать жертвами преступлений. В этом убеждает возросшая в стране виктимность.

В. И. Полубинский определяет виктимность как «потенциальную возможность нести вред от правонарушения в результате негативного взаимодействия отрицательных личных качеств с внешними факторами» [3]. С. В. Максимов видит в ней «свойство человека (определенной социальной группы), выражающееся в его способности быть жертвой преступления» [2].

В науке выделяют индивидуальную и массовую виктимность. Первый вид – это состояние уязвимости, предрасположенности лица быть жертвой преступления в силу его определенных психофизиологических и социальных особенностей. Массовая виктимность представляет собой исторически изменчивое социально-правовое явление, слагающееся из всей совокупности «потенций уязвимости» [4], реализующихся в массе разнохарактерных индивидуальных виктимных проявлений, детерминирующих совершение преступлений.

И индивидуальная, и массовая виктимность в известной мере обуславливают состояние правосознания. В структуре последнего можно условно выделить три компонента: познавательное, оценочное и регулятивное правосознание.

Первый компонент представляет собой результат определенной интеллектуальной деятельности. Он состоит из ряда последовательно возникающих ощущений, восприятий, памяти и мышления. Но в нашей стране немногие осмысливают и анализируют законодательство. Проведенное нами исследование показало, что правовые идеи и представления молодежи основываются на наблюдении за соблюдением норм окружающими (69%), на позиции СМИ (21%), и лишь в 10% случаев – на самостоятельном анализе текстов правовых норм. Анкетирование студентов юридического направления дало более обнадеживающие результаты: 60% респондентов формируют свои взгляды и убеждения, анализируя действующее законодательство. Однако в целом на сознание и поведение молодежи влияет восприятие права «в жизни», негативным показателем которого является рост криминогенности и виктимности общества.

Оценочное правосознание – это определенное эмоциональное отношение личности к разным явлениям правовой действительности: к праву и законодательству; к правовому поведению окружающих; к деятельности правоохранительных органов, и, наконец, к своему собственному поведению. В последнее время отношение личности к праву и правовым явлениям нельзя признать положительным. Проведенные нами исследования показали, что в молодежной среде преобладает негативная оценка деятельности поли-

ции. 44% опрошенных отрицательно относятся к ее работе и объясняют свое отношение незащищенностью от преступности и мздоимством со стороны работников полиции. В сознании молодых людей полиция защищает не народ, а власть.

Регулятивное правосознание заключается в том, что правовые установки и ценностно-правовые ориентации помогают человеку избрать правомерный или противоправный вариант поведения. Наш вопрос: «Чем Вы в первую очередь руководствуетесь в трудной ситуации?» – лишь 8% респондентов ответили, что руководствуются нормами права, 7% – нормами морали, в то время как 85% опрошенных заявили, что поведение их определяется исключительно «здоровым смыслом» (т. е. совокупностью ценностных ориентаций, привычек и интересов). Показателями состояния регулятивного правосознания являются рост преступности и иных противоправных деяний, а также индивидуальная и массовая виктимность.

Постоянно сталкиваясь с фактами совершения преступлений в быту и СМИ, человек поневоле сам становится опосредованной жертвой. Приведем пример – взрыв в московском метро 29 марта 2010 г. Шок и страх на несколько дней парализовали всю страну. Практически каждый человек вынес из этой трагедии урок: он не застрахован государством от того, что однажды не станет жертвой террористического акта или иного преступления. Проведенные нами исследования показали, что подавляющее большинство опрошенных (93%) не чувствуют себя в безопасности. При этом наиболее уязвимыми они ощущают себя на пустынных улицах (49%) в местах массового скопления народа (25%) и дома (13%) [1].

Основная масса студентов осознает свою незащищенность от возможных преступных посягательств, иными словами, свою виктимность, а осознание данного факта негативно влияет на уровень индивидуального и общественного правосознания. Однако между правосознанием и виктимностью существует и обратная связь, а именно: предрасположенность быть жертвой преступления в некоторой мере обуславливается правосознанием личности.

Нередко виновный добивается своих целей, сознательно либо интуитивно ис-

пользуя деструктивный потенциал самой жертвы, в том числе ее деформированное правосознание. Преступление – это всегда определенный конфликт преступника и потерпевшего, возникающий тогда, когда его участники ощущают себя несправедливо обделенными. Но поскольку это ощущение формируется на основе ценностных ориентаций, морали и правосознания виновного и жертвы, то можно сделать вывод, что большинство преступлений обуславливается не дефицитом определенных материальных благ, а дефицитом правовой и нравственной культуры преступников и потерпевших.

Как показывают исследования, проведенные учеными в области виктимологии, жертвы преступления сами неоднократно преступали закон. Э. Л. Сидоренко отмечает, что 61% опрошенных, бывших потерпевшими, хотя бы раз в жизни совершали противоправные деяния, наиболее распространенные из которых – нарушение правил дорожного движения, безбилетный проезд в транспорте, хулиганство, дача взятки и причинение вреда здоровью. При этом 57% из них избежали наказания за совершенные деяния.

Подтверждением низкого уровня правосознания жертв служит и их «психологический профиль». Проведенные исследования показали, что в числе основных черт потерпевших от преступлений преобладают беспечность, пренебрежение к закону, агрессивность, алкоголизм и пр. В процессе совершения преступления большинство потерпевших своим отрицательным поведением провоцируют виновного либо ведут себя пассивно и не оказывают сопротивления. Подобные ситуации позволяют говорить об определенной деформации правосознания потенциальных и реальных жертв.

В первом случае поведение потерпевших во многом обуславливалось неверием в силу закона и осознанием себя хозяином положения. Налицо правовой нигилизм, когда наблюдается активная противоправная тенденция личности. У жертв-провокаторов складывалось убеждение, что в поступках следует руководствоваться не правом, а своими желаниями и интересами. На вопрос анкеты, составленной Э. Л. Сидоренко: «Из чего, на Ваш взгляд, необходимо исходить при

конflikте закона и здравого смысла?» – 78% опрошенных жертв-провокаторов ответили, что из здравого смысла. Проведенные ею исследования показали, что отрицательное поведение потерпевших имело место в 60 % убийств и 65 % случаев причинения вреда здоровью. При этом оно выразилось: в применении насилия – 27%; в оскорблениях и угрозах – 20%; в учинении ссоры – 18%; в нарушении супружеской верности – 8%; в необоснованных имущественных притязаниях потерпевшего – 9%; в иных формах – 18% [5].

Потерпевших с отрицательным поведением характеризовали такие черты, как эгоизм, потеря чувства ответственности, равнодушие к проблемам других людей, цинизм, несдержанность, конфликтность, грубость, необразованность, невоспитанность. Но, прежде всего, их объединяло наличие асоциальной установки. Она выражалась в разной форме, имела неодинаковое содержание и различную интенсивность проявления, но у всех она была определенной «жизненной программой». Низкий уровень правосознания, неуважение к людям и иные негативные качества легли в основу психологической установки жертв-провокаторов и во многом предопределили их судьбу [5]. Провоцирующая жертва с присущим ей отношением к праву действовала достаточно активно в процессе совершения преступления, переступала через определенные правовые и нравственные нормы. Она находилась с преступником практически в равном положении, и только случай решал, кто кем будет.

Обратной стороной такого социального явления, как правовой нигилизм, является наличие пассивных жертв. Причина пассивного поведения видится нам в длительном подавлении инициативы и самостоятельности личности со стороны государственных институтов. Частным примером является законодательное и правоприменительное ограничение прав граждан на необходимую оборону. У пассивной жертвы, как правило, низкий уровень правосознания, однако она, в отличие от жертвы-провокатора, не демонстрирует свое неуважение к закону, поскольку боится ответственности. Очень часто в процессе совершения преступления человек стоит перед дилеммой: стать жертвой преступления либо сопротивляться и постра-

дать от карательной машины государства. У пассивной жертвы можно наблюдать сразу две формы деформации правосознания: правовой нигилизм и правовой идеализм. Одни аспекты правовой действительности потенциальный потерпевший недооценивает, а другие, напротив, переоценивает.

Как видно, влияние правосознания на индивидуальную и массовую виктимность велико. Однако не следует абсолютизировать ее значение и игнорировать такие явления, как психологические, физиологические, социокультурные и иные факторы. Но не следует также искусственно приуменьшать значение правосознания, поскольку оно всегда «ближе» к поведению (преступному либо виктимному), чем правовая норма. Правосознание помогает человеку всесторонне осмыслить ситуацию, «увидеть» набор возможных средств достижения целей своего поведения; более того, оно помогает оценить социальную эффективность избранной стратегии достижения определенных целей.

Для того чтобы бороться с такими социально-правовыми явлениями, как преступность, необходимо изменить, перестроить правосознание молодежи. Необходимо научить молодежь уважать закон. И первыми шагами в данном направлении могут стать разъяснительная и воспитательная работа педагогов с молодежью, политика «открытых дверей», взаимоуважения, участия и поддержки молодежи со стороны государственных органов. Следует вызвать готовность и желание молодежи активно помогать в укреплении правопорядка. В связи с этим следует согласиться с теми учеными, которые предлагают разрабатывать и внедрять в образовательный процесс учебных заведений специальные программы по виктимологическому воспитанию молодых людей.

В образовательный процесс Международного инновационного университета внедрена такая специальная программа виктимологического воспитания студенческой молодежи – создана и функционирует Лаборатория виктимологического просвещения при Научно-исследовательском институте правовых исследований, являющемся структурным подразделением Международного инновационного университета [6]. Работа этой лабо-

ратории направлена на преодоление правовой безграмотности у студенческой молодежи, инициирование повышения уровня правовой культуры, и в целом формирование положительных стереотипов в сфере правовых отношений.

Программа работы Лаборатории способствует снижению воздействия негативных факторов, формированию навыков безопасного поведения молодежи и социально значимых качеств валеологического, социального, правового характера личности молодых людей.

Структура Лаборатории такова: руководитель (зав. кафедрой уголовного права), преподаватели (специалисты в области криминологии, виктимологии, уголовного права, психологии), студенты (заинтересованные студенты без учета направления, по которому они проходят подготовку).

Основными формами работы являются: индивидуальное и групповое консультирование студентов, психологические тренинги, обучающие семинары, деловые и ролевые игры, конференции.

В результате посещения специализированных мероприятий у молодежи формируются когнитивные поведенческие стереотипы о криминогенно опасных ситуациях; формируются представления о преступниках, использующих промахи жертв; о способах, повышающих личную безопасность, безопасность своей недвижимости, финансов, автомобиля и др.; воспитываются привычки безопасного поведения в общественных местах, на улицах, в общении с незнакомыми лицами; развиваются культурные интересы, увлечения, исключая попадание в «злачные места», компании повышенного криминального риска, секты, увлечение алкоголем, употребление наркотиков и токсических веществ, совершение действий и общения в компаниях, повышающих опасность подвергнуться нападению; молодые люди учатся разумной осторожности, бдительности, наблюдательности, собранности, самообладанию, находчивости, быстроте реакций, ловкости, умению разбираться в людях и быть стойким к успокаивающим уговорам малознакомых и незнакомых людей; осваивают приемы самозащиты: поведенческие, словесные, технические (использование носильных защитных средств, газовых пистолетов и др.).

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Дейнега Н. В. Исследование правовых стереотипов студентов в разрезе виктимологической профилактики // Инновационные технологии обучения в высшей школе: материалы докладов Всероссийской научно-практической конференции: в 2-х ч. Ч. 1 / Под ред. М. Н. Берулавы. – Сочи : издательство Черноморской гуманитарной академии, 2009. – С.191–195.
 2. Максимов С. В. Краткий криминологический словарь. – М.: Норма, 1995. – 400 с.
 3. Полубинский В. И. Криминальная виктимология. М.: Юрлит, 1999. – 180 с.
 4. Ривман В. Д., Устинов В. С. Виктимология. СПб.: ДАНА, 2000. 210 с.
 5. Сидоренко Э. Л. Отрицательное поведение потерпевшего как обстоятельство, влияющее на дифференциацию ответственности и индивидуализацию наказания субъекта преступления : дис. ... канд. юрид. наук. – Ставрополь, 2002. – 208 с.
 6. Официальный сайт НОУ ВПО «Международный инновационный университет» / НИИ Правовых исследований [Электронный ресурс]. – URL: http://miu-sochi.ru/page/nii_pravovykh_issledovaniij
-

Сплавская Наталья Владимировна, кандидат юридических наук, заведующая кафедрой уголовного права НОУ ВПО «Международный инновационный университет»
E-mail: N.Splavskaya@yandex.ru

Splavskaya N. V.

THE LEGAL CONSCIOUSNESS OF YOUTH AS A FACTOR OF THEIR INCREASED VICTIMIZATION

The article touches upon the problem of the legal consciousness deformation influence on the youth victimization. It stresses the fact that modern society needs the legal consciousness restructuring to reduce its crime vulnerability level. The author points out the necessity to introduce into the educational process special education victimology programs for the youth and presents his own correction program.

Keywords: *victimization, crime, legal consciousness, legal nihilism, victim, youth.*

SPLAVSKAYA Natalya V., candidate of law, head of the Department of Criminal Law LEU VPO «International Innovation University»
E-mail: N.Splavskaya@yandex.ru

V ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ПРЕСТУПНОСТИ. ВИКТИМОЛОГИЯ ПРЕСТУПНОСТИ

УДК 343.98.06

Виктимология 3(5) / 2015, стр. 29–33

Пучков О. А.

ГИПНОЗ В РАСКРЫТИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ: ПРАВОО ПРИМЕНИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ

В статье рассматриваются вехи развития гипноза, определяется понятие «гипноз», раскрываются некоторые юридические аспекты применения гипноза в криминальной среде и правоприменительной деятельности.

Ключевые слова: гипноз, криминальный гипноз, уголовно-правовое регулирование, гипноз в криминалистике.

В истории гипнотизма можно различить три периода. Первый уходит в седую древность. Без сомнения, гипнотический сон уже был известен жрецам Египта и Греции. Об этом свидетельствует, например, так называемый «папирус гностиков» (II в. н. э.), в котором дается описание приемов гипнотизирования, применяющихся и поныне. Жрецы пользовались гипнозом с религиозными целями. Обычно они задавали те или иные вопросы какому-нибудь юному служителю храма и его ответы истолковывали как указания богов, как пророчество. В Древней Греции гипноз применялся уже и с лечебными целями. На это указывают дошедшие до наших дней данные о жизни и деятельности известного врача древности Асклепиада.

В Средние века скудные сведения древних народов о гипнотическом сне были утрачены, приемы гипнотизирования забыты. И только в эпоху Возрождения наука вновь обратилась к явлениям гипнотизма, причем сперва в опытах на животных. Так, в первой половине XVII в. появились в печати сообщения немецких ученых Швентера и Кирхера о «заколдованном состоянии курицы», иначе – «чудесном эксперименте». Суть дела заключается в том, что достаточно, крепко держа птицу руками, осторожно при-

давить ее голову к полу и оставить ее на некоторое время в таком положении, чтобы курица пришла в состояние неподвижности, расслабления, как бы глубокого сна, из которого ее можно вывести лишь резким толчком или громким звуком.

В XVIII в. в Германии были впервые проведены опыты словесного усыпления человека, что стало важнейшим шагом к окончательному оформлению концепции гипноза в 40-х гг. XIX в. Сам термин «гипнотизм» (от греческого *hîphos* – сон) был введен английским врачом Джеймсом Брэдом. Ученый первый стал пользоваться гипнотическим сном для обезболивания хирургических операций [2. С. 37–43]. Опыт английского ученого позже использовал французский врач Льебо, стремившийся привлечь внимание врачей к этому методу как высокоэффективному способу лечения многих болезней. Об этом прежде всего и убедительнее всего свидетельствует его собственная лечебная практика: 7500 больных прибегли к его помощи за 25 лет.

Существует множество определений термина «гипноз».

Советские ученые В. Е. Рожнов и М. А. Рожнова определяют гипноз как «определенное состояние, в котором кратковременно или продолжительно находится весь головной мозг, а вместе с ним

и вся центральная нервная система» [5. С. 21]. З. Косенко и А. Ремезова определяют его как «мощный раздражитель», который «может вызвать в любом участке коры мозга и торможение и возбуждение» [3. С. 176]. Л. Л. Васильев определял гипноз как «внушенный сон» [2. С. 44].

На наш взгляд, самое точное определение понятия «гипноз» дано авторами Юридической энциклопедии: «гипноз (от гр. *hypnos* – сон; англ. *hypnosis*) – в судебной психиатрии искусственно вызванное состояние бодрствования (по учению И.П. Павлова – частичный сон), при котором ограничена свобода волеизъявления и повышена степень внушаемости» [8. С. 184].

В 1878 г. в крупнейшей психиатрической клинике Парижа Сальпетриере экспериментальным исследованием гипноза на больных, страдающих истерией, занялся выдающийся французский психиатр Жан-Мартин Шарко, который видел главные определяющие особенности гипноза в происходящих в этом состоянии физиологических сдвигах – изменениях восприимчивости органов чувств, возбудимости нервов и мышц и т. д.

В ходе исследований Шарко пришел к выводу, что «пестрые и многообразные симптомы истерии чаще всего психогенны. Это означает, что возникают они за счет психики, за счет внушения и самовнушения, а также в связи со всевозможными нервными потрясениями и переживаниями. Но эти же самые причины могут приводить и к обратному эффекту, к исчезновению отдельных болезненных проявлений у страдающих истерией» [5. С. 24].

Таким образом, внушение – один из важнейших элементов социального, политического, культурного и научного воздействия на психику человека. С его помощью в истории человека совершались как величайшие подвиги, так и величайшие преступления. Так, уголовная ответственность за гипнотическое воздействие на человека в противоправных целях предусмотрена в уголовных кодексах Германии (ст. 20 УК Германии), Австрии (ст. 11 УК Австрии), Китая (ст. 21. УК КНР), Швейцарии (ст. 12 УК Швейцарии).

В то же время в последнее время расширяется область практического применения гипноза, в том числе и при расследовании преступлений.

Впервые о применении гипноза в следственной деятельности заговорил немецкий ученый Г. Шнейкерт, выпустивший в 1924 г. в Берлине оригинальный труд, посвященный техническим приемам получения признания от обвиняемого. Ученый писал, что «обвиняемые сами неоднократно изъявляли готовность подвергнуться гипнотизированию и быть допрошенными в состоянии гипноза, желая этим создать доказательство того, что у них на душе нет ничего затаенного. Но и такой прием едва ли мог бы быть признан допустимым с юридической точки зрения, не только потому, что трудно установить, не было ли симуляции гипнотического состояния, но и потому, что лицо, лишенное свободного волеопределения, хотя бы искусственным путем, не может рассматриваться как допустимый свидетель на суде» [9. С. 39].

Воля – это сознательная психическая активность, регулирующая поведение и деятельность человека. Она является мощной побудительной силой, входящей в мотивационную сферу поведения, в том числе и противоправного. В то же время некоторые преступления совершаются только потому, что субъект не может мобилизовать свою волю, чтобы противостоять желаниям и влечениям самого себя или других людей, особенно в случаях нахождения в состоянии гипноза. Связанное с этим состоянием снижение уровня регуляции своих действий выражается в сниженной способности субъекта всесторонне оценивать ту или иную значимую для него ситуацию и принимать необходимые решения, в полной мере руководить своими действиями, направленными на достижения поставленных целей [6. С. 30–31].

Гипноз нередко применяется с неправомерными целями. При этом очевидна неэффективность защиты общества от криминального гипноза. Современные нормативно-правовые акты лишь косвенно указывают на возможность легального применения гипноза исключительно врачами, причем расценивают его лишь как мирное психотерапевтическое средство.

Между тем в России действуют десятки крупных центров и школ, специализирующихся на обучении гипнозу и, в частности, техникам нейролингвистического программирования. Их вы-

пускниками могут стать все желающие без какого-либо ценза по профессиональному роду деятельности и основным психологическим характеристикам и наклонностям личности. Общедоступность овладения техниками и технологиями гипноза подтверждается тем фактом, что многими из подобных центров разработаны программы по заочному обучению. Кроме того, информатизация общества повлекла за собой распространение специальной литературы, видео- и аудиосамоучителей по гипнозу, позволяющих их обладателю сохранить полную анонимность при овладении данными навыками. В результате граждане, овладевшие указанными методиками, направляют свои знания и умения в криминальное русло. Между тем уголовное законодательство устанавливает следующее:

«1. Вменяемое лицо, которое во время совершения преступления в силу психического расстройства не могло в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими, подлежит уголовной ответственности» (часть 1 ст. 22 УК РФ).

В ч. 1 ст. 177 ГК РФ указывается:

«Статья 177. Недействительность сделки, совершенной гражданином, не способным понимать значение своих действий или руководить ими

1. Сделка, совершенная гражданином, хотя и дееспособным, но находившимся в момент ее совершения в таком состоянии, когда он не был способен понимать значение своих действий или руководить ими, может быть признана судом недействительной по иску этого гражданина либо иных лиц, чьи права или охраняемые законом интересы нарушены в результате ее совершения».

Данное утверждение справедливо и в отношении гипнотического воздействия на участников уголовного процесса. Об этом писали советские ученые В. Е. Рожнов и М. А. Рожнова в своей статье «Гипноз и мистика».

«Сильное действие слова или остро действующее на воображение впечатление вызывает в мозгу человека возбуждение. Сосредоточенное в каком-либо месте коры, оно развивает вокруг себя... тормозной процесс. Если нервная система чем-то ослаблена, иначе говоря, если нервные клетки тормозимы, тогда это

торможение возникает легче и занимает обширные очаги, отрывая возбужденные корковые клетки от всей остальной массы мозга и тем лишая их необходимых связей. А эти-то связи и обеспечивают то, что мы называем контролем разума, контролем сознания. Внушенная мысль, будучи оторвана от всех этих необходимых связей и взаимодействий, приобретает... неодолимую силу влияния на психику человека, на его мысли, чувства, поведение...» [5. С. 47].

Более того, науке известны случаи, когда психическая форма мысли обрела физическое воплощение. Возможность этого у отдельных лиц доказана опытами русского физиолога Н. Е. Введенского и французского ученого Шарко. Такое же наблюдение проводил советский исследователь гипноза К. И. Платонов. Женщине во время глубокого гипнотического сна ученый прикладывал к предплечью монету и говорил: «К вашей руке приложен раскаленный металлический кружок. От него на вашей руке получится сильный ожог. Вам больно». Больная проснулась, и через 25 минут на месте, где была приложена монета, кожа покраснела. Затем вскочил волдырь, как при ожоге [3. С. 179].

Таким образом, последствия гипнотического воздействия на человека непредсказуемы и порой принимают криминальный оттенок. Показания человека, находящегося в состоянии гипнотического сна, также во многом зависят от того, в какой манере ему задаются вопросы, каково их содержание. В связи с этим на Западе допрос участников уголовного процесса, находящихся в состоянии гипнотического сна, фиксируется на видео.

Правовые аспекты применения гипноза в следственной деятельности в российском уголовно-процессуальном праве только начинают привлекать внимание правоведов [1; 7]. В Уголовном кодексе РФ до сих пор отсутствуют нормы о смягчении наказания за преступление, которое было совершено под гипнозом, хотя в уголовные кодексы стран Европы подобные нормы были включены еще в конце XX в. (например, в ст. 31 УК Польши, ст. 11 УК Швейцарии, ст. 21 УК Испании и т. д.).

Российский ученый Л. П. Гримак в 1997 г. сформулировал четыре условия, которые должны соблюдаться в случае

применения гипноза в российском уголовном процессе:

1. Испытуемый должен быть настроен безусловно положительно к сотрудничеству с органами расследования и к факту его гипнотизирования, в частности.

2. Во всех случаях необходимо быть уверенным в психологическом благополучии допрашиваемого под гипнозом.

3. Сеансы следственного гипноза должны проводиться опытными психиатрами или психологами, имеющими специальную подготовку в практическом осуществлении гипнопродукции.

4. Специалист, который выполняет гипнологическую операцию, должен занимать и сохранять беспристрастную позицию в отношении получаемой им информации от загипнотизированного [4. С. 197–210].

Однако эти условия не могут в полной мере обеспечить получение необходимых

сведений при проведении допроса участника уголовного процесса, находящегося в состоянии гипнотического сна, поскольку его применение способно отрицательно повлиять на процессы волевой саморегуляции субъекта, волеизъявления, нарушить его целенаправленную деятельность. Эти факторы служат основанием для признания лица неспособным в полной мере руководить своими действиями, с вытекающими из этого правовыми последствиями (ст. 22 УК РФ).

Проблема применения гипноза при расследовании преступлений в России до сих пор остается нерешенной. Несмотря на попытку проведения определенных теоретических разработок в этой области со стороны ученых, многие юристы до сих пор определяют гипноз как одну из «форм принуждения к даче показаний», что является преступлением, предусмотренным в ст. 302 УК РФ.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Бархатова Е. Н. Особенности квалификации преступлений против собственности, совершаемых с применением гипноза к потерпевшему // Психопедагогика в правоохранительных органах. – 2013. – № 3. – С. 60–62.

2. Васильев Л. Л. Таинственные явления человеческой психики. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Государственное изд-во политической литературы, 1963.

3. Косенко Э., Ремезова А. Рассказы о жизни мозга. – М.: Изд-во «Детская литература», 1964.

4. Образцов В. А. Криминалистика: курс лекций. – М., 1996.

5. Рожнов В. Е., Рожнова М. А. Гипноз и мистика. – М.: Знание, 1973.

6. Романов В. В. Юридическая психология: краткий курс лекций / В. В. Романов. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2013.

7. Седых Л. В. Проблемы уголовной ответственности за использование психологических техник в террористических целях // Уголовное право. – 2010. – № 1. – С. 35–37.

8. Тихомирова Л. В., Тихомирова М. Ю. Юридическая энциклопедия. – 5-е изд., доп. и перераб. / под ред. М. Ю. Тихомирова. – М., 2007.

9. Шнейкерт Г. Тайна преступника и пути к ее раскрытию. – М., 1925.

Пучков Олег Александрович, доктор юридических наук, профессор кафедры правовых дисциплин, Южно-Уральский государственный университет (НИУ), филиал в г. Озерске.

E-mail: Poa@ru66.ru

Puchkov O. A.

HYPNOSIS IN DETECTION OF CRIMES: LAW-ENFORCEMENT ASPECT

The article deals with milestones in the development of hypnosis, the term «hypnosis» is defined, some of the legal aspects of usage of hypnosis in the criminal world and law-enforcement activity are described.

Keywords: *hypnosis, criminal hypnosis, criminal and legal regulation, hypnosis in criminalistics.*

PUCHKOV Oleg A., Doctor of Law, professor of the Department of legal disciplines, South Ural State University (national research university), branch in the city of Ozersk.
E-mail: Poa@ ru66.ru

Паньшин Д. Л.

ВИКТИМОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПРЕСТУПНОСТИ: АНАЛИЗ СТАТИСТИЧЕСКИХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ 2009–2014 гг.

Предметом проведенного исследования является выявление виктимологических тенденций состояния современной российской экономической преступности на основании статистических данных за период с 2009 по 2014 год. Исследование направлено на анализ, оценку и сопоставление наблюдаемых виктимологических статистических изменений и динамику современной экономической преступности, а также на получение данных, позволяющих взглянуть на состояние виктимности населения от российской экономической преступности.

Ключевые слова: жертва, виктимология, виктимность, виктимизация, виктимологические факторы, виктимологическая статистика, экономическая преступность, жертвоприношение, криминология.

Противодействие преступности и её эффективность невозможны без анализа и оценки общественно опасных последствий этого феномена для человека, общества и государства. Анализируя статистические отчеты о состоянии преступности в России, необходимо отметить, что экономическая преступность как социально-массовое явление имеет множество характеристик, в том числе и по жертвам преступлений.

Состояние экономической преступности объясняется на основе количественных и качественных показателей, включающих и виктимологическую статистику, собирающую и обобщающую сведения о погибших и пострадавших от преступлений по уголовным делам [1. С. 28–32; 2. С. 6–7; 3. С. 107–112; 8. С. 25; 9. С. 22–24], отнесенных указанием Генеральной прокуратуры Российской Федерации и МВД России к преступлениям экономической направленности [4]. При этом российскими и зарубежными специалистами активно исследуются вопросы викти-

мологических факторов преступности, их виктимологическая профилактика [10; 11; 12; 13], а также способы виктимологического предупреждения и защиты [14. С. 130–141; 15; 16. С. 5–9; 17; 18. С. 57–58]. Данные исследования в основном направлены на изучение способов криминальной виктимизации физических лиц [19. С. 18–31; 20. С. 129–143; 21. С. 145–168], и совершенно мало уделяется внимания юридическим лицам как жертвам криминального поведения [5. С. 568–574; 6, С. 52–70; 23, С. 171–177]. В то же время в российской виктимологической науке имеется лишь небольшое количество работ, отражающих негативную виктимологическую оценку последствий от преступлений экономической направленности [22]. Всего этого явно недостаточно для того, чтобы считать вопросы виктимологии экономической преступности окончательно разрешенными. Более того, до настоящего времени не подготовлено ни одного исследования, посвященного виктимологическому измерению

российской экономической преступности на основе официальных статистических показателей, что обеспечивает актуальность подобного рода исследований.

Цель нашего исследования – осуществить измерение современной российской экономической преступности с использованием данных официальной ведомственной виктимологической статистики.

Рассматривая экономическую преступность как негативное социальное явление, мы подразумеваем и о том, какие негативные последствия она несет, какие области жизнедеятельности человека страдают больше всего и какова её динамика. Оценивая и сопоставляя размер причиненного ущерба, вызывает интерес мотивация осуществления преступного замысла именно в отношении определенных экономических, кредитно-финансовых, налоговых и других объектов. В то же время в соответствии с указанием Генеральной прокуратуры Российской Федерации и МВД России к преступлениям экономической направленности отнесены преступления, предусмотренные статьями Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), расположенными в разных главах, что значительным образом затрудняет работу исследователя по изучению измерений экономической преступности.

Изучение динамики изменения статистических показателей потерпевших показало, что отчетность в основном строится по преступлениям экономической направленности. Поскольку статистическая отчетность ведется в соответствии со структурой УК РФ, то выводы о динамике виктимологических показателей экономической преступности нам придется обосновывать на общей тенденции изменений показателей криминального жертвоприношения.

Такое положение дел в российской юридической статистике не способствует выработке криминологически обоснованных и эффективных мер противодействия экономической преступности, что также свидетельствует об актуальности исследования феномена жертвоприношения экономической преступности на анализе виктимологической статистической информации.

В свою очередь, на основе имеющихся данных, на наш взгляд, можно охарактери-

зовать изменения показателей жертвоприношения экономической преступности, проследить её динамику и спрогнозировать развитие некоторых из направлений.

В качестве методологической основы проведения исследования нами использовались как общенаучные методы познания: анализ, синтез, сравнение и сопоставление, математический, так и частнонаучные: системно-правовой, историко-правовой и философско-правовой, используемые современной виктимологической наукой, испытывающей проблемы с формированием новых методов познания [24. С. 265–288].

Выбранные нами хронологические рамки исследования обусловлены тем, что на протяжении нескольких лет в Российской Федерации наблюдается систематическое снижение криминальной обстановки по экономической преступности, что позволяет предположить и снижение качественных и количественных показателей потерпевших от этого вида преступного поведения.

Изучение статистических показателей экономической преступности способствовало формированию ряда интересных мнений, связанных с качественными характеристиками потерпевших от экономической преступности, которые, как нам кажется заслуживают особого внимания. Мысль эта заключается в том, что необходимо задуматься над тем, как изменяется структура статистической отчетности по потерпевшим от преступлений в сфере экономической деятельности. Если в период с 2009 по 2013 год учет велся по общему критерию признания лица потерпевшим и отчетность содержала лишь количественный показатель, то с 2014 года статистическую отчетность по потерпевшим данной категории преступлений разбили на несколько составляющих, внося качественный характер в отчетность.

В соответствии с официальными статистическими данными Главного информационно-аналитического центра МВД России, если в 2009 году в Российской Федерации было зарегистрировано 2994820 преступлений, то к 2014 году произошло снижение преступности до 2190578 преступлений, то есть на 26,8% [25], что свидетельствует о снижении криминальной активности населе-

Таблица 1

Год	2009	2010	2011	2012	2013	2014	Итого
Всего потерпевших от преступлений в сфере эконом. деятельности	10265	7807	5582	4504	3867	4373	36398
Темп прироста к АППГ (в %)	104,3	76,1	71,5	80,7	85,9	113,1	
Юридические лица	7660	6162	4107	3325	2924	2703	26881
Темп прироста к АППГ (в %)	82,1	80,4	66,7	81	87,9	92,4	
Удельный вес ко всем потерпевшим (в %)	74,6	78,9	73,6	73,8	75,6	61,8	
Физические лица	2605	1645	1475	1179	943	1670	9517
Темп прироста к АППГ (в %)	77,8	63,1	89,7	79,9	80	177,1	
Удельный вес ко всем потерпевшим (в %)	25,4	21,1	26,4	26,2	24,4	38,2	
Погибшие	2	0	3	1	1	19	26
Тяжкий вред здоровью	6	3	0	1	0	39	49
Средней тяжести вред здоровью	1	1	0	0	0	2	4

ния России. За этот же период наблюдается и значительное снижение криминальной виктимности населения. Если в 2009 году в Российской Федерации было признано, учтено и зарегистрировано 2241710 потерпевших от преступлений, то в 2014 году – 1854869, то есть почти на 19% меньше [26].

При этом к числу важнейших показателей, характеризующих жертвоприношение экономической преступности, или, как отмечается в некоторых источниках, экономическая криминальная виктимность относится к структуре потерпевших от преступлений. Очевидно, что темпы снижения криминальной активности населения России по количеству выявленных преступлений несколько выше темпов снижения криминальной виктимности, однако необходимо проанализировать ещё и качественные показатели.

Например, с 2014 года качественную окраску потерпевшим стали давать в статистических отчетах таких, как несовершеннолетние (в том числе сироты и дети, оставшиеся без попечения родителей), женщины, граждане пожилого возраста (мужчины старше 60 лет, женщины старше 55 лет), инвалиды 1 и 2 группы, безработные, лица без определенного места жительства, беженцы и мигранты. Данная демаркация потерпевших не от преступле-

ний в сфере экономической деятельности обусловлена, с одной стороны, признанием государства и юридической незащищенности этих категорий граждан, с другой стороны, самая высокопрофессиональная и хорошо организованная экономическая преступность не гнушается ни детьми, ни инвалидами, ни пенсионерами.

По статистическим данным, за период с 2009 по 2014 год потерпевшими от преступлений в сфере экономической деятельности, признанными на основании определений суда и постановлений о признании потерпевшим (в том числе постановлений о возбуждении уголовного дела по факту смерти лица), признано 36398 лиц, из которых 26881 юридическое лицо и 9517 физических лиц, из них погибло от указанного вида преступлений 26 человек, получили средней тяжести вред здоровью 4 и тяжкий вред 49 человек (см. табл. 1.).

Как мы видим из таблицы 1, снижение количества потерпевших от преступлений в сфере экономической деятельности в рассматриваемый период происходило следующим образом: в 2009 году их было признано и учтено 10265 жертв, в 2010 г. – 7807, в 2011 г. – 5582, в 2012 г. – 4504, в 2013 г. – 3867 и в 2014 г. – 4373. Например, чтобы детально увидеть динамику уменьшения количества жертв

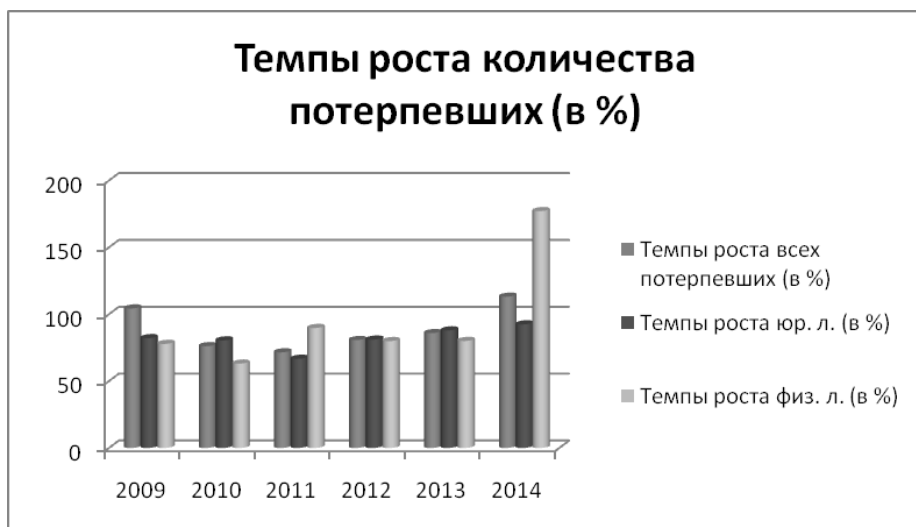

Рис. 1

от преступлений в сфере экономической деятельности, необходимо представить в следующих коэффициентах: в 2010 году коэффициент роста составил 1,31, в 2011 году – 1,4, в 2012 году – 1,24, в 2013 году – 1,16, в 2014 году – 0,88, что свидетельствует об устойчивой тенденции снижения общего количества жертв от преступлений в сфере экономической деятельности.

Просматриваемая устойчивая тенденция к снижению количества жертв уголовного поведения в сфере экономической деятельности только на первый взгляд вселяет оптимизм. Проведенный анализ выведенного математическим методом процентного соотношения количества[27. С. 233–237] жертв от данного вида преступлений и при сопоставлении его с предыдущим периодом наблюдается начиная с 2009 по 2011 год стабильное снижение потерпевших, в период же с 2012 по 2014 год наблюдается значительный рост. Так, темп прироста процентных показателей потерпевших от преступлений в сфере экономической деятельности по отношению к предыдущему году в 2009 году составил 104,3%, в 2010 году – 76,1%, в 2011 году – 71,5%, в 2012 году – 80,7%, в 2013 году – 85,9%, в 2014 году – 113,1%. За период с 2009 по 2011 год количество потерпевших снизилось на 32,8%, а с 2012 по 2014 год наблюдается значительный рост потерпевших от преступлений в сфере экономической деятельности который составил 41,6% (рис. 1).

Исследуя данные показатели, на наш взгляд, особенно важным является на-

блюдаемый стремительный рост потерпевших среди физических лиц (за период с 2011 по 2014 год на 87,4%) по сравнению с ростом потерпевших юридических лиц (за период с 2011 по 2014 год на 25,7%), что влияет на характеристику структуры преступлений. В анализируемый период зарегистрирован и учтен 26881 потерпевший от преступлений в сфере экономической деятельности среди юридических лиц, которые, хотя и при незначительном росте в полтора раза, превышают показатели физических лиц.

Таким образом, оценка указанных процентных соотношений имеет особое значение не только для статистического наблюдения, но и для анализа сложившейся ситуации и прогнозирования её развития, что вызывает интерес в изучении процессов виктимизации населения от экономической преступности. Корреляция показателей виктимизации тех или иных субъектов виктимологического наблюдения в значительной мере определяется вычисляемыми коэффициентами, что способствует правильной оценке причиненного вреда конкретным или опосредованным объектам.

На фоне общего снижения количества потерпевших от преступлений в сфере экономической деятельности вызывает особую обеспокоенность стабильный рост потерпевших от преступлений против собственности, что свидетельствует о стабильной виктимизации населения от преступлений против собственности. В анализируемый период количество совершенных преступлений данной кате-

Темпы роста всех потерпевших от преступлений против собственности (в %)

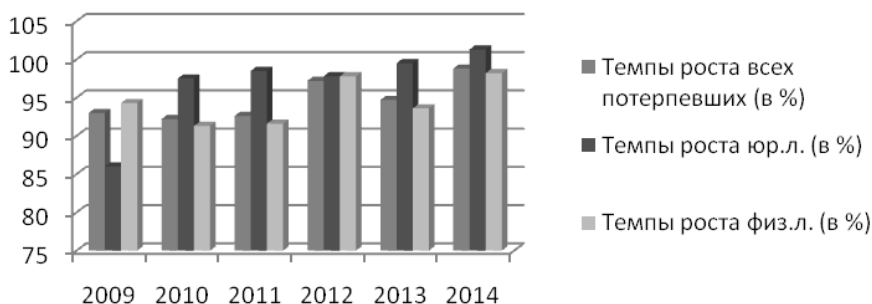

Рис. 2

гории с каждым годом снижается, хотя удельный вес количества потерпевших с каждым годом увеличивается. Снижение количества преступлений в рассматриваемый период не влияет на количественные характеристики потерпевших от этих преступных деяний.

Обратим внимание на следующие изменения статистических показателей, на наш взгляд, довольно-таки интересно прослеживается следующая тенденция, так в 2009 году их было 1666267 жертв, в 2010 г. – 1536643, в 2011 г. – 1423491, в 2012 г. – 1392215, в 2013 г. – 1317912, в 2014 г. – 1301462, что предполагает выводы об устойчивой тенденции к снижению количества потерпевших в исследуемый период. Однако после приведения математических вычислений процентного соотношения потерпевших к предыдущему периоду наблюдается стабильный их рост. И приведенные данные о жертвах этих криминальных проявлений выглядят следующим образом: в 2009 году темп роста составил 93%, в

2010 г. – 92,2%, в 2011 г. – 92,6%, в 2012 г. – 97,2%, в 2013 г. – 94,7%, в 2014 г. – 98,8% (рис. 2).

Приведенные статистические показатели позволяют нам более отчетливо выявить тенденции жертвоприношения преступлений против собственности. Используя метод укрупнения интервалов времени (периодов) 2009–2011 гг. и 2012–2014 гг., данные проявления выглядят следующим образом (рис. 3, 4).

Общее количество потерпевших от преступлений против собственности в период с 2009 по 2011 год снижается, на фоне снижения на 0,4% общей численности жертв также имеют понижения виктимологические показатели физических лиц на 2,7%. На фоне гармоничного снижения и незначительного роста общих показателей и показателей физических лиц количество юридических лиц, ставших жертвами в указанный период, неизменно имеет рост на 12,5%, что свидетельствует о большой виктимности юридических лиц в этот период.

Темпы роста потерпевших от преступлений против собственности 2009-2011 гг. (в %)

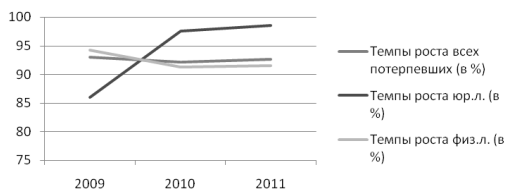

Рис. 3

Темпы роста потерпевших от преступлений против собственности 2012-2014 гг. (в %)

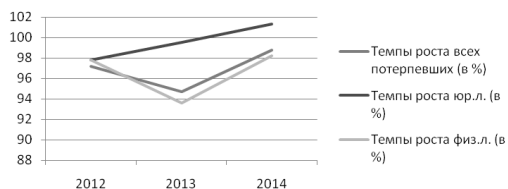

Рис. 4

Таблица 2

год	2009	2010	2011	2012	2013	2014	Итого
Всего потерпевших от преступлений против собственности	1666267	1536643	1423491	1392215	1317912	1301462	8637990
Темпы роста всех потерпевших (в %)	93	92,2	92,6	97,2	94,7	98,8	
Юридические лица	238446	232441	228909	223891	224923	227765	1376375
Темпы роста юр. л. (в %)	86	97,5	98,5	97,8	99,5	101,3	
Удельный вес ко всем потерпевшим (в %)	14,3	15,1	16,1	16,1	17,1	17,5	
Физические лица	1427821	1304202	1194582	1168324	1092989	1073697	7261615
Темпы роста физ. л. (в %)	94,3	91,3	91,6	97,8	93,6	98,2	
Удельный вес ко всем потерпевшим (в %)	85,7	84,9	83,9	83,9	82,9	82,5	
Погибшие	569	509	500	474	426	286	2764
Тяжкий вред здоровью	1257	877	502	490	561	363	4050
Средней тяжести вред здоровью	16701	538	420	534	474	512	19179

Рассматривая виктимологические статистические показатели периода 2012–2014 годов, также наблюдается на фоне колебаний общих показателей и показателей жертв (физических лиц) значительный рост количества жертв юридических лиц на 3,5%. В 2013 году зафиксировано снижение на 4,2% физических лиц, что объясняется снижением общего количества жертв от преступлений против собственности на 2,5%.

В то же время показатели виктимности физических лиц от преступлений против собственности превышают аналогичные показатели юридических лиц в семь раз. Так, всего в период с 2009 по 2014 год были признаны потерпевшими от преступлений против собственности 8 млн 638 тыс. лиц, из них 1 млн 376 тыс. юридических лиц и 7 млн 261 тыс. физических лиц, из них погибло 2764 человека, 4050 человек получили тяжкий вред здоровью, 19179 человек получили средней тяжести вред здоровью (см. табл. 2).

На фоне роста статистических показателей виктимности населения в исследуемый период от преступлений против собственности наблюдается значительное

увеличение к 2013 году и незначительное снижение к 2014 году. Так, в 2009 году темп роста составил 92%, в 2010 г. – 80,6%, в 2011 г. – 93,7%, в 2012 г. – 103,3%, в 2013 г. – 120,5%, в 2014 г. – 74,4,8% (рис. 5).

В период с 2009 по 2013 год наряду с учетом общих показателей количества потерпевших от преступлений против собственности отдельно статистически выделялись показатели только по потерпевшим от вымогательства. На наш взгляд, вымогательство как преступление экономической направленности заслуживает отдельного внимания, поскольку только эти статистические показатели данного вида преступлений выделялись из общего количества. Необходимо подчеркнуть, что к преступлениям экономической направленности для формирования статистической отчетности, в силу Указания, могут быть отнесены кражи, мошенничество и вымогательство, при условии, что выполняются дополнительные условия. Например, статистические показатели по вымогательству включаются в данные по преступлениям экономической направленности только в случае, если оно выявлено в ходе предварительного расследования по

Рис. 5

уголовным делам, отнесенным к преступлениям экономической направленности, то есть в качестве дополнительной статьи обвинения.

С 2014 года наряду с вымогательством стали выделяться потерпевшие от краж и мошенничеств. До 2014 года отдельно потерпевшие по этим видам преступлений не выделялись из общей массы пострадавших от преступлений против собственности. Поэтому говорить о динамике жертв от краж и мошенничеств в период до 2014 года будет затруднительно.

В период с 2009 по 2014 год, говоря о виктимности населения от вымогательства, наблюдаются следующие тенденции: в 2009 году их было 7532 жертв, в 2010 г. – 6071, в 2011 г. – 5691, в 2012 г. – 5879, в 2013 г. – 7085, в 2014 г. – 5277. Всего жертв зарегистрировано и учтено 37535, из них 200 юридических лиц и 37335 физических лиц.

Таким образом, проведенное исследование некоторых измерений экономической преступности по виктимологическим статистическим показателям позволило нам сделать некоторые выводы о том, что наряду со снижением количества зарегистрированных преступлений показатели виктимности населения по отдельным категориям преступлений экономической направленности увеличиваются. Данный рост свидетельствует, что необходимо не только детально учитывать и изучать каждый вид преступлений, но и вести детализированный статистический учет количественных показателей жертв экономических преступлений, конкретизировав их по видам потерпевших, например: мужчины и женщины, юридические лица и индивидуальные предприниматели, государственные организации и органы местного самоуправления.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Глухова А. А. Виктимологическая статистика // Проблемы юридической науки и практики в исследованиях адъюнктов и соискателей : сборник научных трудов. – Вып.3. – Н. Новгород : НЮИ МВД РФ, 1997. – С.28–32.
2. Глухова А. А. Виктимологические факторы преступности: история, современность и перспективы предупредительного воздействия: учеб. пособие / А. А. Глухова, С. В. Изов. – Н. Новгород: Изд-во Волго-Вятской академии гос. службы, 2010. – 158 с.
3. Глухова А. А., Устинов В. С. Понятие и значение виктимологической статистики // Правовые средства и методы защиты законопослушного гражданина в экономической сфере: Вестн. Нижегородск. гос. ун-та им. Н. И. Лобачевского. – Н. Новгород, 1998. – С. 107–112.

4. Указание Генеральной прокуратуры Российской Федерации и МВД России от 31 декабря 2014 г. №744/11/3 «О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_174552.
5. Кабанов П. А. Виктимологическая оценка состояния современной российской преступности // Политика и право. — 2015. - № 4. – С.568–574. DOI: 10.7256/1811-9018.2015.4.13464. – URL: http://e-notabene.ru/pm/article_13464.html.
6. Кабанов П. А. Корпоративные жертвы российской преступности: криминологический анализ виктимологической статистики за 2009–2013 гг. // Юридические исследования. — 2015. – № 3. – С.52–70. DOI: 10.7256/2409-7136.2015.3.14420. – URL: http://e-notabene.ru/lr/article_14420.html.
7. Кабанов П. А. Виктимологическая характеристика коррупционной преступности в Республике Беларусь: анализ статистических показателей 2007–2012 гг. // NB: Проблемы политики и общества. — 2014. – № 2. – С.10-21. DOI: 10.7256/2306-0158.2014.2.10950. – URL: http://e-notabene.ru/pr/article_10950.html.
8. Квашис В. Е. Основы виктимологии. Проблемы защиты прав потерпевших от преступлений. – М.: NOTA BENE, 1999.
9. Солодовников С. А. Виктимологическая статистика в отношении «преступник – жертва» в системе криминологического анализа // Закон и право. – 2004. – № 12. – С. 22–24.
10. Арефьев А. Ю. Проблемы виктимологической профилактики квартирных краж, грабежей и разбоев с проникновением в жилище. – Н. Новгород, 1995.
11. Журавлева Ю. В. Виктимологическая профилактика изнасилований : дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2007.
12. Задорожный В. И. Виктимологическая профилактика преступлений: организационно-управленческий и правовой аспекты. – М., 2005.
13. Ильин И. В. Виктимологическая профилактика экономического мошенничества: дис. ... канд. юрид. наук. – Н. Новгород, 2000.
14. Азаров В. А. Защита имущественных интересов потерпевших от преступлений: законотворчество и законодательные реалии // Вестн. Омск. ун-та. – 2005. – № 2 (3). – С. 130–141.
15. Газиев М. С., Ситковский А. Л., Шикула И. Р. Виктимологическая защита потерпевших от корыстно-насильственных преступлений : монография. – М., 2012.
16. Каштанова М. С. Сущность защиты прав и законных интересов потерпевших от преступлений // Полицейская деятельность. – 2011. – № 4. – С. 5–9.
17. Мусаев М. А. Правовая и социальная защита жертв преступности в России. – М., 2011.
18. Фоменко А. Н. Государственная защита лиц, потерпевших от преступлений // Российский следователь. – 2006. – № 7. – С.57–58.
19. Cameron G., Freymond N. Accessible service delivery of child welfare services and differential response models // Child Abuse & Neglect. – 2015. – V. 39. – No 1. – P. 18–31.
20. Hall M. Environmental harm and environmental victims: Seoping out a «green victimology» // International Review of Victimology. – 2014. – No 20 (1). – P. 129–143.
21. Miers D. Offender and stata compensation for victims of crime: Two decades of development and change // International Review of Victimology. – 2014. – No 20 (1). – P. 145–168.
22. Кабанов П. А., Паньшин Д. Л. Виктимология экономической преступности: понятие и предмет // Вестн. Всероссийск. ин-та повышения квалификации сотрудников МВД России. – 2012. – № 4 (24). – С. 7–16.
23. Ильясова К. А. Юридические лица как жертвы преступлений: постановка проблемы // Актуальные проблемы экономики и права. – 2014. – № 3 (31). – С. 171–177.
- Averdiak M. Methodological challenges in the Study of the accelerated design of the NCVS to reconstruct victim careers? // International Review of Victimology. – 2014. – No 20 (3). – P. 265–288.
24. Статистические данные размещены на сайте МВД России. Режим доступа: <http://mvd.ru/Deljatelnost/statistics/reports/item/>. Дата обращения: 31.07.2015.
25. Данные предоставлены ЦСИ ФКУ «ГИАЦ МВД России»: письмо от 7 августа 2015 года № 34/1-П-2639, за что мы им признательны и благодарны.

26. В исследованиях показателей преступности профессором В. В. Лунеевым предлагается использовать некоторые математические методы для детального анализа динамики и прогнозирования результатов: Лунеев В.В. Юридическая статистика : учебник / В. В. Лунеев. – 3-е изд., перераб и доп. – М. : Норма : ИНФРА-М, 2014. – 448 с.

Паньшин Денис Леонидович, старший преподаватель, ФГКУ ДПО «Всероссийский институт повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации»; адъюнкт, ФГКОУ ВО «Нижегородская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации».
E-mail: den-panshin@mail.ru

Panshin D. L.

VICTIMOLOGICAL MEASURING OF THE RUSSIAN ECONOMIC CRIME: ANALYSIS OF STATISTICS OF 2009-2014 PERIOD.

The subject of the study is identifying the state of victimization trends of the modern Russian economic crime on the basis of statistics of the period from 2009 to 2014. Research is aimed at the analysis, evaluation and comparison of the observed changes in victimization statistics and dynamics of modern economic crime, as well as allowing to look at the state of victimization of the population of the Russian economic crime.

Keywords: *victim, victimology, victimization, victimological factors victimological statistics, economic crime, sacrifice, criminology.*

PANSHIN Denis L., Senior Lecturer, GBOU DPO «All-Russian Institute of Advanced Training of employees of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation»; Associate, FGKOU VPO «Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation»
E-mail: den-panshin@mail.ru

Винокурова М. А.

ОСНОВНЫЕ ВИКТИМОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ТИПОЛОГИИ ПОВЕДЕНИЯ ПОСТРАДАВШЕГО В СФЕРЕ НЕОСТОРОЖНЫХ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ МЕДИЦИНСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ (ЧАСТЬ 2 СТАТЬИ 109, ЧАСТЬ 2 СТАТЬИ 118 УК РФ).

В статье рассмотрены различные подходы к классификации поведения пострадавшего по их роли в генезисе медицинских неосторожных преступлений.

Ключевые слова: пострадавший, неосторожные профессиональные преступления медицинской направленности, виктимность, пациент, медицинский работник.

В настоящее время высокотехнологичная медицинская помощь оказывает все более приемлемым аспектом общественной жизни и веянием инновационных условий современного бытия. С одной стороны, она является показателем качества оказания медицинской помощи, с другой – не оказание или неправильно назначенная медицинская помощь представляет большую опасность как для отдельного человека, так и для социальной политики страны в целом. В противоположном случае очевидным станет безуспешность государства как совокупности институциональных связей. Ведь первоначально государство создается для защиты интересов граждан, а именно их жизни и здоровья.

Вывод очевиден: не оказание и ненадлежащее оказание медицинской помощи является индикатором проблемности в обществе и импульсом изменения последнего.

Следует подчеркнуть, что официальной статистики относительно количества неосторожных профессиональных преступлений медицинской направленности не существует. Однако, согласно данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, число осужденных лиц по вступившему в законную силу судебному приговору в 2014 г. по ч. 2 ст. 109 УК РФ составляет 104, ч. 2 ст. 118 УК РФ – 30; в первом полугодии 2015 года: по ч. 2 ст. 109 УК РФ – 50, ч. 2 ст. 118 УК РФ – 49 [1].

В Челябинской области в 2011 году было зарегистрировано 5 уголовных дел, в 2012 – 3, в 2013 – 5, в 2014 – 6, в первом полугодии 2015 г. – 4. Указанные статистические данные отражают неоднородность и неравномерность количества совершаемых преступлений медицинской направленности как на территории РФ, так и в отдельном субъекте страны.

В связи с этим возникает ряд вопросов о том, а как же можно эффективно противодействовать рассматриваемому виду преступлений, если еще до сих пор не разрешена проблема, касающаяся отношений между преступником и жертвой, а также роли и места пострадавшего в причинности преступного поведения? На эти дилеммы нет единого ответа, но есть вектор развития, на котором правильно поставленные вопросы могут дать логические обоснованные теоретические и практические ответы.

В доктрине зарубежной и отечественной виктимологии традиционно выделяют две стороны в преступлении: это лицо, причиняющее вред (преступник), и лицо, которому причинен вред (жертва). С причинением вреда пострадавшему связано такое понятие «виктимизация». Выделяют первичную и вторичную виктимизацию. К первой относят вред материального, физического или психического характера. В неосторожных преступлениях медицинской направленности в основном пострадавшему лицу причиняется физический вред (последствия данного вреда отражены в ч. 2 ст. 109, ч. 2 ст. 118 УК РФ). Ко второму виду относится «причинение вреда жертве преступления, связанного с отношением к ней лиц из ближайшего социального окружения, органов социального контроля, адвоката, а также отношением врачей к жертве, находящейся в больнице» [2. С. 27].

Переноса научные виктимологические положения на медико-правовое поле, сторонами рассматриваемых преступлений являются медицинский работник и пациент (больной). В статье 2 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» понятие «медицинский работник» (физическое лицо, которое имеет медицинское или иное образование, работает в медицинской организации и в трудовые (должностные) обязанности которого входит осуществление медицинской деятельности, либо физическое лицо, которое является индивидуальным предпринимателем, непосредственно осуществляющим медицинскую деятельность) носит неперсонифицированный характер, что затрудняет выделить правовой статус субъекта, имеющего право на осуществ-

ление медицинской деятельности и, следовательно, в дальнейшем выделить субъекта преступления. Медицинскому работнику необходимо правильно оценивать свои права и обязанности (ст. 72, 73 ФЗ «Об основе охраны здоровья граждан в РФ»), роль в процессе оказания медицинской помощи. Интересно заметить, что в федеральном законодательстве, да и в должностных инструкциях прослеживается такое положение, что только медицинские работники наделены правами и обязанностями, а пациенты – только правами. Такая «однобокость» правоотношений ведет к тому, что субъективное право становится необеспеченным и не может существовать без соответствующей юридической обязанности. И приводит к таким ситуациям, когда пострадавшим от преступления становится не пациент в большинстве случаев, а врач. Так, в октябре 2013 г. в поликлинике города Твери врач-невролог был убит пациентом, которому он оказывал медицинскую помощь. Шестидесятилетний врач умер прямо на работе от повреждения сонной артерии.

Что же касается относительно роли потерпевшего в неосторожных преступлениях медицинской направленности и типологии его поведения, влияющего на преступную мотивацию, следует сначала остановиться на разграничении таких понятий, как «больной» и «пациент». Больным считается человек, если он плохо себя чувствует, страдает от болезни. Пациентом называют больного, лечащегося у врача либо врачей, то есть когда поставлен диагноз о наличии заболевания. То есть из положения, приведенного выше, и учитывая специфику уголовно-медицинских преступлений, под категорию пострадавших не включаются, например, беременные женщины либо малолетнее лицо. Поэтому для более ясного толкования и применения соответствующих статей УК РФ (ч. 2 ст. 109, ч. 2 ст. 118 УК РФ), следует употреблять такие понятия, как «пациент» и «лицо, нуждающееся в медицинской помощи».

Следует обозначить, что в виктимологии существуют различные подходы к основаниям классификации поведения потерпевшего. Рассмотрим некоторые из них, которые применительно относятся к рассматриваемым составам преступления:

1) по социально-демографическим признакам (гендерная принадлежность, возрастная категория).

Из анализа 25 уголовных дел следует, что 18 (72%) пострадавших были мужчинами и 7 (28 %) были женщинами. Полученные данные отражают, что наиболее виктимной категорией являются мужчины. По возрастной категории ситуация обстоит таким образом: до 16 лет – 2 (8%) ; от 16 до 24 лет – 3 (12%); от 24 до 50 лет – 9 (36 %) ; старше 50 лет – 11 (44%). Вывод: наиболее виктимизированы возрастные группы от 24 до 50 лет и лица старше 50 лет;

2) по характеру отношения жертвы к преступнику.

При рассмотрении 25 уголовных дел была выявлена следующая социальная связь между жертвой и преступником: были знакомы до совершения преступления – 4 (16 %); не знакомы – 14 (56%); данных нет – 7 (28%);

3) по поведенческим связям (виновная, невиновная виктимность).

Пациент в случае дефекта оказания медицинской помощи может в зависимости от ситуации как обладать виновной виктимностью, так и невиновной. В случае, если пациент, приходя на прием к врачу, ведет себя провокационно (в его действиях присутствует «глухота» к этическим увещаниям), то в данной ситуации имеет место виновная виктимность, а именно в неосмотрительном, нетактичном поведении самого пострадавшего. Жертвами невиновной виктимности может стать любой пациент, обратившийся за оказанием медицинской помощи, вне зависимости от своего служебного положения, возрастных особенностей и др;

4) по характеру поведения жертвы выделяют [2, С. 118]:

а) агрессивные. Пациент, приходя на диагностическую процедуру, ведет себя нетактично с врачом, хамит ему, не пред-

ставляет карту здоровья по требованию медицинского работника;

б) негативно-активные. В настоящее время зачастую люди, не имеющие медицинского образования, размещают на форумах в сети Интернет информацию медицинского характера, при этом «будущие пациенты», прочитав разные источники о признаках заболевания, его течении и пр., занимаются самолечением, а придя на прием к врачу, проверяют его знания (квалификацию), а не придерживаются назначенного лечения;

в) позитивно-активные. Проявляется в чрезмерной информированности пациента о своих правах и частом посещении лечебных учреждений. Такой тип людей подчиняется давлению группы из-за потребности в поиске информации, нахождения в постоянном «потоке». Данные действия являются защитным механизмом, когда человек оказывается в незнакомой ему ситуации, неизведанной области человеческой деятельности;

г) пассивные. Пациенты, которые не только не хотят посещать лечебные учреждения, но и относятся скептически к своему здоровью;

д) нейтральные;

е) иные.

Главный вывод: с учетом вышесказанного необходимо отметить, что в современном мире в сфере борьбы с неосторожными профессиональными преступлениями медицинской направленности приоритет должен быть отдан теории перед практикой. Иначе говоря, изучение поведения сторон при совершении преступления, их статуса, места и роли необходимо, во-первых, для установления полной и четкой картины происходящего, и, во-вторых, для своевременного воздействия на источник опасности и обеспечения мер безопасности по отношению к объекту охраны (жизни и здоровья граждан РФ).

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Источник информации: официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ // URL: www.cdep.ru (дата обращения: 31.10.2015).
 2. Криминология. Словарь-справочник. Составитель Х.-Ю. Кернер. Перевод с немецкого. – М. : Изд-во НОРМА, 1998 – 400 с.
 3. Клещина, Е. Криминологическое учение о жертве преступления. Проблемы реализации виктимологической теории в законодательстве и деятельности правоохранительных органов / Е. Клещина. – Palmarium Academic Publishing, 2014. – 398 с.
-

Винокурова Мария Александровна, аспирант Института права Челябинского государственного университета.
E-mail: marysy_1108@mail.ru

Vinokurova M. A.

BASIC VICTIMOLOGICAL ASPECTS OF TYPOLOGY OF BEHAVIOR OF THE VICTIM IN THE AREA OF NEGLIGENT PROFESSIONAL CRIMES OF MEDICAL FOCUS (PART 2 OF ARTICLE 109, PART 2 OF ARTICLE 118 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION).

In the article different approaches to the classification of the behavior of the victim on its role in the genesis of medical negligent crimes are considered.

Keywords: *victim, negligent professional crimes of medical focus, victimization, patient, medical profession.*

VINOKUROVA Maria A., graduate student, Institute of Law, Chelyabinsk State University, Chelyabinsk.
E-mail: marysy_1108@mail.ru

Фещенко П. Н.

ПРОБЛЕМЫ ВИКТИМОЛОГИЧЕСКОЙ ПРОФИЛАКТИКИ ПРЕСТУПНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В сегодняшней непростой обстановке, когда растет число террористических и экстремистских преступлений, посягательств на детей и подростков, нет существенных результатов борьбы с коррупцией и преступностью в целом. В Волго-Вятском институте (филиала) Университета имени О. Е. Кутафина 17 ноября 2015 года состоялся очередной круглый стол «Проблемы виктимологической профилактики преступности в современной России».

Проведение таких мероприятий в Институте стало традиционным – это уже пятый круглый стол, посвященный обсуждению возможностей снижения преступности через профилактическое воздействие на потенциальных жертв преступных посягательств, собравший студентов и магистрантов не только данного учебного заведения, но также и других вузов – Вятского государственного университета, РАНХиГС и Московского гуманитарно-экономического института. Всего в программу вошли 34 доклада, подготовленные 44 авторами.

Начался круглый стол с «Минуты молчания» в память всех жертв террористических актов. Именно этой проблематике были посвящены первые выступления, где была отмечена необходимость повышения бдительности, осмотрительности и активности в сотрудничестве с правоохранительными орга-

нами, непримиримости к проявлениям идей экстремизма и терроризма, в том числе распространяемым в сети Интернет. Были рассмотрены примеры конкретных терактов, причины способствовавшие их совершению, условия, а также конкретные рекомендации профилактического характера применительно к обстановке в стране и Кировской области.

Традиционной для данных мероприятий стала подготовка выступающими компьютерных презентаций и авторских «Памяток» с рекомендациями, как не стать жертвами конкретных преступлений, которые были розданы собравшимся. Всё это было обстоятельно рассмотрено в выступлениях и дискуссиях по проблемам преступности несовершеннолетних, насилия в семье, сексуальным посягательствам, а также преступлениям корыстной направленности – квартирным кражам, мошенничеству, махинациям с жильем и другими. Было уделено отдельное внимание специфике виктимности наиболее уязвимых категорий населения – пожилых людей, детей, женщин в условиях семейного неблагополучия, легкомысленных пользователей Интернета и других.

Большой интерес вызвало освещение опыта проведения студентами 4 курса бесед по виктимологической профилактике среди учащихся школ города, что в по-

следнее время стало своеобразной «визитной карточкой» нашего Института и вызывает большую заинтересованность у подростков.

Проведенные дискуссии будут продолжены в учебных аудиториях в рамках практических занятий по кримино-

логии, где под руководством присутствовавших на круглом столе преподавателей студенты смогут закрепить полученные знания, в том числе определить тематику докладов на очередной подобный круглый стол, намеченный на май 2016 года.

Фещенко Павел Николаевич, кандидат юридических наук, доцент, и. о. зав. кафедрой уголовного права и криминологии, Волго-Вятский институт (филиал) «Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)», 610002, Россия, Кировская область, г. Киров, ул. Ленина, д. 99.
E-mail: fpn2005@mail.ru

Feshenko P. N.

PROBLEMS OF VICTIMOLOGICAL PREVENTION OF CRIME IN MODERN RUSSIA

Feshenko Pavel Nikolayevich, PhD, Associate Professor, Acting Head. Department of Criminal Law and Criminology, Volga-Vyatka Institute (branch) «Moscow State Institute of Law named OE Kutafin (MSLA)»610002, Russia, Kirov region, Kirov, Str. Lenina. 99
E-mail: fpn2005@mail.ru

Кайсина Т. П.

ПЕНИТЕНЦИАРНАЯ ВИКТИМИЗАЦИЯ ОСУЖДЕННЫХ

В статье рассматривается пенитенциарная виктимизация осужденных. Проанализированы статистические показатели и выявлены причины преступности осужденных в местах лишения свободы. Подробно раскрывается комплекс мер, направленных на снижение и предупреждение криминальной виктимизации осужденных.

Ключевые слова: пенитенциарная виктимизация, виктимологическая профилактика, осужденные, места лишения свободы, жертва.

Причины преступности осужденных в местах лишения свободы связаны, прежде всего, с природой такого уголовного наказания, как лишение свободы, принудительным помещением в однополюе коллективы самых аморальных членов общества.

Сама изоляция от общества как мера наказания предполагает ряд ограничений, которые у некоторых лиц могут вызывать дезадаптацию, еще большую дистанцию от общества, усугублять неприятие среды. К числу существенных ограничений следует отнести не только значительное сужение и ослабление контактов с родственниками или членами семьи, но и ограничение возможности приобщаться к духовным ценностям общества с помощью, например, литературы и искусства, получить высшее и среднее специальное образование, контактировать с трудовыми коллективами, общественными организациями и т. д. Важное дезадаптирующее, отчуждающее значение может иметь восприятие самим осужденным наказания в виде лишения свободы как несправедливого, причиняющего незаслуженные страдания, что характерно для подавляющего большинства преступников.

Насилие заложено в самой сути мест лишения свободы, поскольку в небольшой коллектив на ограниченном физическом пространстве попадают самые худшие в нравственном плане однополюе существа. Это преступники, собранные вместе для проживания и работы в наилучших условиях, т. е. люди, в жизни ко-

торых преступление не предположение, не возможность, а уже свершившийся факт, способ, с помощью которого они уже решали свои жизненные проблемы, и многие – неоднократно.

По мере ограничения сферы общения осужденных, углубления противоречий между формальной и неформальной нормативно-ценностной системами конфликты становятся острее. Увеличивается их латентный период и реже восстанавливаются позитивные отношения между участниками конфликта. В таких условиях затрудняется контроль за протеканием конфликтов со стороны администрации. Если в воспитательных колониях и колониях общего вида режима администрация может разрешать каждую вторую конфликтную ситуацию, то в учреждениях строгого вида режима, как указывает Ю. М. Антонян, эта доля падает до 20–25 % [1. С. 402].

Лидеры преступного сообщества успешно используют эти пенальные противоречия в целях приобщения осужденных к идеологии пенитенциарного сообщества, формирования пенального конфликта, усиления антиобщественной ориентации осужденных к лишению свободы. Такое влияние уголовно-исполнительная система не всегда может предотвратить. В связи с этим расхожая житейская сентенция, что тюрьма – школа преступности, имеет под собой веское основание [2. С. 132].

Так, согласно исследованиям В. Г. Громова, 51,5% осужденных, отбывающих наказание в виде лишения свободы, ука-

зывают на то, что современные исправительные учреждения стимулируют у них преступное поведение. А 85% осужденных к лишению свободы считают, что основной причиной рецидива преступлений, совершаемых ими после отбытия наказания в виде лишения свободы, является то, что они в местах лишения свободы прошли своего рода «курсы повышения преступного мастерства» или не могут адаптироваться к жизни на свободе [3. С. 4].

Это подтверждают и данные уголовной статистики. Так, в структуре преступности рецидивные преступления составляют около 30% при постоянном росте их числа (за последние двадцать лет – более чем в 3,5 раза). Растет криминальная активность рецидивистов – их число достигает 20–25% от всех привлекаемых к уголовной ответственности лиц. Существует зависимость рецидива преступлений от «криминального стажа» преступника [7. С. 314]. С увеличением такого стажа, показателем которого является рост числа судимостей, возрастает и уровень рецидива. Так, лица, имеющие пять судимостей, совершают новые преступления в 1,5 раза чаще, чем те, кто имеет лишь одну судимость.

Это подтверждают и данные уголовной статистики относительно преступности в самих исправительных учреждениях – пенитенциарной преступности. Однако у тюрьмы есть еще одна сторона, которая подвергается исследованию гораздо реже. Это проблема – виктимизация осужденных. Есть преступность, есть и жертвы преступлений. Очевидно, что применение такого наказания, как лишение свободы, невозможно без учета вопросов безопасности изолированных от общества лиц.

Используя метод инверсной аналогии, позволяющий выявлять аналогии между объектами, представляющими в определенной степени противоположные, зеркально отраженные стороны одного явления, можно, по мнению И. Н. Сердюченко, говорить о криминальной виктимизации осужденных как о «зеркальном», противоположном процессу криминализации, негативном последствии отбывания наказания [9. С. 16].

Негативные условия лишения свободы не только реализуются в факторах криминальной виктимизации осужден-

ных, но и являются «катализатором» их воспроизводства и действия в отношении виктимизации некоторых категорий осужденных.

Наиболее часто в местах лишения свободы совершаются насильственные преступления. С одной стороны, при тяжелых последствиях они в большей степени попадают в статистику, а с другой – кражи «у своих» строго наказываются по требованиям криминальной субкультуры.

Среди причин преступного насилия в местах лишения свободы особое место занимают те, которые связаны с недостатками и упущениями в деятельности администрации. Указанные недостатки имеют не только прямое криминогенное значение, но и существенно затрудняют процесс исправления осужденных.

К таким недостаткам, как отмечает Ю. М. Антонян, можно отнести: 1) применение представителями администрации насилия к осужденным (от словесных оскорблений до рукоприкладства), что может вызвать ответную агрессию в отношении не только должностных лиц, но и других преступников; 2) попытки добиться некоего подвоя дисциплины путем подстрекательства к физическим расправам одних осужденных (как правило, неформальных лидеров и их окружения) над непокорными; такое иногда бывает в колониях для несовершеннолетних; 3) несправедливое разрешение возникающих в среде преступников конфликтов, причем наиболее опасны и аморальны случаи, когда предпочтение отдается явно более сильному или заведомо неправому, например «вору в законе» или другому подобному лидеру; 4) нежелание администрации вообще вмешиваться в конфликты между преступниками; 5) неумение, а иногда нежелание администрации защитить обижаемого, отвергаемого, что, помимо всего прочего, создает общую атмосферу «беспредела», укрепляя уверенность лишенных свободы в том, что они полностью во власти произвола; 6) сокрытие фактов насильственных преступлений от учета, нежелание реагировать на них, что формирует цепную реакцию агрессии и жестокости; 7) непонимание, что в современных условиях унижение личного достоинства, в какой бы форме оно ни проявлялось и от кого бы ни исходило, воспринимается крайне болезненно; столь же остра реак-

ция осужденных на помехи в получении материальных благ, в первую очередь продуктов питания, а также препятствия в общении с родными и близкими, другими лишенными свободы, в проведении досуга и т. д.; 8) неудовлетворительная организация охраны и надзора за осужденными, слабый контроль, в том числе оперативный, за их поведением [1. С. 402].

В местах лишения свободы личность сталкивается с условиями жизни, которые разительно отличаются от привычных условий жизнедеятельности на свободе. К ним относятся: условия среды, окружающей осужденного в процессе отбывания наказания (изоляция от общества, наличие ограничений, режим, условия труда, наличие воспитательного воздействия); субъективная система связей и отношений, в которую включается осужденный в местах лишения свободы (коллектив осужденных и социально-психологический климат в нем, наличие пенитенциарной субкультуры, отношение работников администрации к осужденным и т. д.); материально-бытовые условия, такие, как условия проживания, питания, обеспечения одеждой и предметами личного потребления, медицинское обслуживание и т. п. Быстрая и коренная ломка жизненных планов, образа жизни путем социальной изоляции порождает у человека комплекс специфических проявлений, называемых синдромом лишенного свободы [11. С. 318].

По нашему мнению, сказанное позволяет отнести совершаемые в данных условиях преступления как связанные с ситуативной виктимностью – появлением у лица большей вероятности стать жертвой в силу сложившейся ситуации. В общем виде – это нейтральные ситуации, созданные не по воле субъекта. А уже далее виктимность дополняется ролевой (например, «опущенные»), личностной (например, прибывший новичок – «первоход») или дополнительной ситуативной, когда, например, «новичок» не идет на требования «авторитетов» и создает конфликтную ситуацию.

Преодолеть эти тягостные состояния осужденный может путем адаптации, приспособления к новым правилам и нормам общежития, к новым условиям жизнедеятельности.

Некоторые люди, которые оказываются в местах лишения, уже обладают

рядом биофизических и психологических свойств личности, затрудняющих процесс их адаптации к условиям внешней среды. К таким свойствам личности можно отнести возраст, наличие инвалидности, психического расстройства, ВИЧ-инфекции и др. Негативные условия отбывания наказания катализируют действие этих качеств, и результатом социальной адаптации лиц с такими свойствами в местах лишения свободы часто становится дезадаптация – совокупность отрицательных характеристик свойств, ценностей, мотивов и механизмов поведения личности, не способствующих ее эффективной жизнедеятельности в исправительном учреждении в рамках общепринятых пенитенциарным социумом норм, ценностей и правил поведения и которые в определенной ситуации могут способствовать реализации процесса виктимизации такого лица. Данный вид виктимности можно отнести к личностной, а в силу типичности – и к ролевой.

Таким образом, десоциализация и дезадаптация осужденных к лишению свободы являются одними из факторов их криминальной виктимизации, генетически связанных с условиями лишения свободы. Это один из примеров, который говорит о важности учета факторов виктимизации при исполнении наказания в виде лишения свободы.

Обычно в виктимологических исследованиях под криминальной виктимизацией понимаются процесс и результат повышения уровня виктимности лица или социальной общности. Так, родоначальник отечественной виктимологии Л. В. Франк определяет виктимизацию как «процесс превращения в жертву преступления и результат этого процесса как на единичном, так и на массовом уровне» [10. С. 107–108].

Несмотря на то что исполнение наказания не имеет целью причинение физических страданий или унижение человеческого достоинства, в условиях лишения свободы отдельные осужденные становятся жертвами преступлений. Процесс виктимизации становится еще более реальным в условиях усиления степени организованности и профессионализации пенитенциарной преступности [5; 12; 13 и др.].

Традиционно ученые, например Д. Б. Ривман и В. С. Устинов, а также В. И. Полубинский и В. И. Задорожный

осуществляли противопоставление массовой виктимности и преступности и разрабатывали виктимологический аспект предупреждения преступности, под которым понимали совокупность мер предупреждения, направленных на виктимное поведение, связанных с устранением, нейтрализацией или уменьшением факторов, обуславливающих или способствующих виктимности [8. С. 44].

Таким образом, если следовать лексическому значению указанного понятия, то под массовой виктимностью следует понимать совокупность индивидуальных виктимностей (как свойств), и в этом смысле она не может противостоять преступности, под которой понимается явление [4. С. 88]. Во-первых, такой подход ограничивает сферу виктимологического аспекта предупреждения преступности лишь устранением, нейтрализацией или уменьшением виктимогенных факторов, которые, по нашему мнению, являются только частью системы факторов криминальной виктимизации. Во-вторых, он не учитывает возможности воздействия на ситуативные факторы и виктимизацию как длящийся, растянутый во времени процесс.

На наш взгляд, следует согласиться с мнением И. Н. Сердюченко [9. С. 128], что в предупредительном воздействии необходимо перенести акцент с виктимности (как некоторого свойства осужденного) на виктимизацию (как социально-психологический процесс), а в рамках пенитенциарной криминологии – пенитенциарную виктимизацию как детерминированный специфическими факторами и ситуациями, связанными с условиями изоляции от общества, процесс превращения осужденного в жертву и результат такого процесса. В свою очередь, под предупреждением пенитенциарной виктимизации осужденных к лишению свободы следует понимать целенаправленную, законодательно определенную, юридически значимую деятельность раз-

личных субъектов по выявлению, устранению, нейтрализации детерминант и процессов виктимизации осужденных в условиях мест лишения свободы, осуществляющуюся на различных уровнях с помощью конкретизированных мер.

Предупреждение криминальной виктимизации осужденных, с одной стороны, является сложным составным объектом (системой), а с другой – выступает подсистемой более общей системы предупреждения пенитенциарной преступности, в чем проявляются его коммуникативные свойства.

Примером такой деятельности в рамках положений УИК РФ, на наш взгляд, могут служить положения ст. 13 о праве осужденного на личную безопасность и регламентация соответствующих процедур ее обеспечения, меры по регламентации обысков и изъятию алкоголя, колющих и режущих предметов (ст. 82), изоляция осужденных с психическими отклонениями, представляющими угрозу для других (ст. 80), воспитательная работа, повышение образовательного и культурного уровня, лечение от наркомании и алкоголизма и т. д.

Есть, на наш взгляд, еще один аспект виктимизации, противодействие которому реализовано в запрете на проведение в отношении осужденных медицинских опытов (ст. 12), привлечение к труду инвалидов и беременных, положения о гарантированном медицинском обслуживании, общественном и ведомственном контроле и т.д., что снижает или даже исключает возможность становления жертвой в силу преступных действий администрации исправительных учреждений.

В общем виде, как представляется, более успешно решить данные проблемы позволит реализация положений Концепции развития уголовно-правовой системы Российской Федерации до 2020 года [6], делающей, в том числе, упор на внедрение камерной системы отбывания наказаний.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Антонян Ю. М. Криминология: Избранные лекции. М.: Логос, 2004.
2. Антонян Ю. М., Еникеев М. И., Эминов В. Е. Психология преступника и расследования преступлений. М., 1996.
3. Громов В. Г. Криминогенность мест лишения свободы и ее нейтрализация : Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Тамбов : Тамбовс. гос. ун-т им. Г. Р. Державина, 2009.

4. Долгова А. И. Учебник для вузов. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Норма, 2005.
5. Елеськин М. В. Криминологические проблемы борьбы с организованной преступностью в исправительных учреждениях : автореф. ... дис. канд. юрид. наук. М.: Моск. ин-т МВД РФ, 1998.
6. Концепция развития уголовно-правовой системы Российской Федерации до 2020 года, утв. распоряжением Правительства РФ от 14.10.2010 года № 1772-р. – <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=186542;fld=134;dst=1000000001,0;rnd=0.9537243251688778>.
7. Малков В. Д. Криминология: учеб. для вузов. М. : ЗАО «Юстицинформ», 2006.
8. Полубинский В. И. Криминальная виктимология : Монография. М.: ВНИИ МВД России, 1999.
9. Сердюченко И. Н. Пенитенциарная виктимизация осужденных и ее предупреждение : Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Рязань. Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, 2011.
10. Франк Л. В. Потерпевший от преступления и проблемы развития отечественной виктимологии. Душанбе : Ирфон, 1977.
11. Шиханцов Г. Г. Юридическая психология: учебник / отв. ред. В.А. Томсинов. М.: Зерцало, 1998.
12. Вальяно Д. Б. Предупреждение преступлений, дезорганизующих нормальную деятельность исправительных учреждений, совершаемых организованными преступными группами : Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М.: Моск. ин-т МВД России, 2001.
13. Березенко Л. А. Предупреждение формирования преступных групп и их криминальной деятельности в исправительных учреждениях : Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Рязань: Академия права и управления Минюста России, 2002.

Кайсина Татьяна Павловна, магистрант 2 курса Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)».
E-mail: kaisina.t@mail.ru

Kaysina T. P.

PENITENTIARY VICTIMIZATION OF CONVICTED PERSONS

The article deals with the penitentiary victimization of convicted persons. Statistics is analyzed and the causes of criminality of convicts in places of incarceration are identified. Set of measures aimed at reducing and preventing criminal victimization of convicted persons is revealed in details.

Keywords: *penitentiary victimization, victimological prevention, convicted persons, places of incarceration, victim*

KAYSINA Tatyana P., undergraduate, Volga-Vyatka Institute (branch) «Moscow State Institute of Law named OE Kutafin (MSLA)»
E-mail: kaisina.t@mail.ru

Обернихина Е. Н.

ВИКТИМОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ НАСИЛЬСТВЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ РЕЦИДИВИСТАМИ В БЫТОВОЙ СФЕРЕ

В статье исследуются состояние и проблемы рецидива преступлений и виктимологические особенности поведения потерпевшего в преступлениях бытовой направленности, влияющие на рецидив преступлений, порядок назначения наказания при рецидиве преступлений с учетом поведения потерпевшего, проблема профилактики рецидивной преступности и виктимологической профилактики в современной России.

Ключевые слова: рецидивная преступность, виктимологические особенности поведения потерпевшего, особенности назначения наказания, предупреждение рецидивной преступности, виктимологическая профилактика.

Рецидивная преступность является одним из наиболее опасных видов преступности. Количество лиц, в действиях которых содержится рецидив преступлений, возрастает, и это приводит к тому, что рецидив является одной из главных проблем уголовной политики. Так, согласно данным статистики МВД России за период январь – сентябрь 2015 года каждое второе (54,3%) расследованное преступление совершено лицами, ранее совершавшими преступления. По сравнению с аналогичным периодом 2014 года прослеживается увеличение на 1,7% [1].

Повторные преступления, совершаемые лицами, уже привлекавшимися к уголовной ответственности, в том числе рецидивистами, характеризуются повышенной общественной опасностью, так как такие лица более тщательно готовятся к совершению повторного преступления, нежели лица, идущие на преступление впервые.

Е. Алауханов преступником-рецидивистом называет «лицо, совершившее новое преступление после того, как его

прежнее преступление было выявлено правоохранительными органами и повлекло установленное законом реагирование» [2].

Российское уголовное законодательство исключило понятие рецидивиста и закрепило понятие рецидива преступлений, классифицировав его по отдельным видам и предусмотрев специальные правила назначения наказания при рецидиве преступлений. Таким образом, акцентируется внимание не на личности преступника, а непосредственно на деяниях, им совершенных. Такой рецидив называется уголовно-правовым. Однако для криминологии представляет интерес именно личность преступника-рецидивиста. Криминологическое понятие рецидива исходит из факта повторного совершения преступления, независимо от того, было ли данное лицо осуждено за предыдущее преступление или преступления и было ли оно вообще привлечено к ответственности, поскольку уже сам факт совершения повторного преступления характеризует личность субъекта и обуславливает

необходимость принятия мер (исправительного воспитания, ограничения, личного характера) к данному лицу.

При рассмотрении вопроса о степени общественной опасности преступника-рецидивиста необходимо учитывать конкретные обстоятельства и принимать во внимание такую ситуацию, когда лицо юридически не является рецидивистом, например, потому, что им было совершено предыдущее преступление небольшой степени тяжести, либо было совершено им в возрасте, когда уголовная ответственность не наступает, а также в случае погашения судимости, либо применения акта амнистии, либо прекращения уголовного дела по какому-либо основанию.

В уголовно-исполнительном праве выделяется пенитенциарный рецидив. Зачастую фактическое исправление лица, привлеченного к уголовной ответственности, не совпадает с фактом погашения или снятия с него судимости. Дефекты личности, а также ситуации, способствующие совершению преступлений, продолжают существовать, и в конечном итоге приводят к совершению нового преступления. Нельзя не согласиться с мнением Я. Г. Ищук о том, что на степень криминализации личности, равно как и на увеличение ее виктимности, влияет нахождение в пенитенциарных учреждениях [3]. В ноябре 2015 года был проведен II Международный пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление», в ходе которого был вынесен на обсуждение проект рекомендаций по повышению эффективности деятельности пенитенциарных служб, совершенствованию законодательства в сфере применения уголовных наказаний и уголовно-исполнительной практики, одним из пунктов которого стало рассмотрение возможности закрепления в уголовно-исполнительном законодательстве критериев оценки исправления осужденных к лишению свободы. Несмотря на необходимость и значимость такого нововведения, Б. А. Спасенников подвергает критике данное новшество, указывая, что «первоначально критерии оценки исправления осужденных к лишению свободы должны быть полностью разработаны, несколько лет апробированы на практике в различных исправительных учреждениях ФСИН России, обсуждены совместно с представителями судебсого

и прокурорского корпусов, а лишь затем может быть рассмотрена возможность закрепления критериев оценки исправления осужденных к лишению свободы в уголовно-исполнительном законодательстве» [4].

Поскольку рецидивные преступления при прочих равных условиях характеризуются повышенной общественной опасностью, в процессе осуществления профилактики этих преступлений необходимо установить особенности, которые отличают рецидивистов от лиц, совершивших преступление впервые. К таким особенностям можно отнести устойчивую антиобщественную (преступную) направленность рецидивистов; систематичность в совершении преступлений; стремление к образованию особо устойчивых форм соучастия; тенденцию к вовлечению в преступную деятельность новых лиц, в частности, несовершеннолетних, другие особенности, характеризующие именно повышенную общественную опасность рецидива. Эти особенности и должны в первую очередь определять направления профилактики рецидива преступлений.

Значительный вес среди преступных посягательств прочих направленностей, совершенных рецидивистами, имеют преступления бытового характера. Бытовые преступления возникают на почве столкновения интересов лиц, связанных между собой личностно-бытовыми (отношения между супругами, сожителями, родственниками, квартирантами, соседями и иными лицами, общение между которыми обусловлено совместным проживанием) и общественно-бытовыми отношениями (отношения между теми, кто выполняет работу по обслуживанию, и лицами, которых обслуживают, а также между клиентами в связи с этим обслуживанием). Предпосылкой бытового преступления является бытовой конфликт, возникший между преступником и жертвой.

В этой сфере к таким преступлениям относятся убийство, причинение вреда здоровью различной степени тяжести, угроза убийством или причинением вреда здоровью, истязания, побои и др. Вместе с тем стоит согласиться с мнением Федоровой Н. И., которая относит к преступлениям, совершенным в сфере семейно-бытовых преступлений, также изнасилования, насильственные действия сексуального характера, совершенные в отно-

шении малолетних в кругу семейных отношений [5].

Из 73 взятых для исследования уголовных дел, рассмотренных мировым судьей судебного участка № 6 Верхнекамского судебного района Кировской области за период январь – октябрь 2015 года, следует, что 59 преступлений совершено именно на бытовой почве, из них 40 – лицами, ранее привлекавшимися к уголовной ответственности, из них 15 – совершены при рецидиве преступлений [6]. Из данного анализа следует, что рецидивист совершает в последующем либо однородные преступления, либо каждое последующее преступление «утяжеляется».

Следует отметить, что преступления на бытовой почве совершаются в основном рецидивистами ситуативного (когда совершение преступления зависит от складывающейся ситуации) и асоциального (как правило, социально деградированные лица, хронические алкоголики и наркоманы) типов, и здесь немаловажную роль, влияющую на рецидив преступлений, играют семейно-родственные отношения и отношения в сфере быта. Они могут проявляться как в отсутствии атмосферы взаимной доброжелательности в семье, так и в активном вовлечении лица, отбывшего наказание в виде лишения свободы, в пьянство, разврат, подстрекательство к совершению новых преступлений. Особенно негативное влияние на этого человека оказывает его круг общения, в который чаще всего входят лица, ранее судимые, и которые продолжают вести антиобщественный образ жизни.

Действия рецидивиста зависят не только от его личностных особенностей, наклонностей и стремлений, но и от личности и поведения самого потерпевшего, который своими неосторожными, аморальными и противоправными поступками может вызвать намерение у преступника совершить преступление, создать криминогенную обстановку либо облегчить наступление преступного результата.

Вероятность стать жертвой преступления зависит от особого феномена – виктимности, то есть совокупности свойств и качеств личности, которая в условиях конкретной ситуации повышает риск определенного лица стать жертвой преступления.

Д. В. Ривман, основываясь на проведенных исследованиях особенностей по-

ведения жертв преступлений, приводит классификации потерпевших по социально-демографическим (по половой принадлежности, по возрасту, по ролевому статусу, по отношению к преступнику, по нравственно-психологическим признакам и др.) и социально-психологическим (агрессивные, активные, инициативные, пассивные, некритичные, нейтральные, случайные, потенциальные, реальные) признакам [7. С. 44–72].

Существенное значение имеет тип поведения потерпевшего до совершения преступления, в момент и после его совершения. Так, до совершения преступления поведение может быть провоцирующим (лицо своими действиями создает криминогенную ситуацию); активным (лицо не создает криминогенной ситуации, но своими поступками существенно способствует ее возникновению); пассивным (роль жертвы в создании криминогенной ситуации является незначительной или отсутствует вообще, т. е. лицо становится потерпевшим, как правило, вне связи с его поведением до совершения преступления) [8].

Если поводом для преступных действий было противоправное или аморальное поведение самого потерпевшего, то данный факт в соответствии с Уголовным кодексом РФ признается смягчающим наказание обстоятельством (ст. 61), которое в некоторых случаях (в совокупности с другими обстоятельствами) может послужить основанием для назначения судом более мягкого наказания или основанием для квалификации преступления как менее тяжкого. Кроме того, данные обстоятельства закреплены также в ст. 107 УК РФ (убийство в состоянии сильного душевного волнения (аффекта)), в ст. 113 УК РФ (причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью в состоянии аффекта). Действуя как активный элемент ситуации, потерпевший своим поведением (сознательно или незнательно) может привести преступника в состояние внезапно возникших аффекта, страха, ярости, ненависти. Г. С. Кожухова предлагает при назначении уголовного наказания определять природу отрицательного поведения потерпевшего по следующим критериям: 1) ситуация, возникшая из-за противоправного поведения потерпевшего и повлекшая совершение преступления; 2) осознание и адекватное

восприятие сложившейся ситуации лицом, совершившим преступление; 3) являлась ли ситуация, созданная потерпевшим, «толчком» для совершения преступления; 4) каким образом поведение потерпевшего (в сочетании со специфическими чертами личности) повлияло на совершение преступления [9].

Немаловажное значение имеет вопрос о состоянии опьянения в момент совершения преступления не только виновных лиц, но и потерпевших. Известно, что на лиц, находящихся в нетрезвом виде, в силу их ослабленной сопротивляемости легче совершить посягательство. Кроме того, такие люди сравнительно легко завязывают случайные знакомства, оказываясь инициаторами ссор и драк. В бытовых преступлениях алкоголь также выступает в качестве провоцирующего фактора. При этом потерпевшими, как правило, являлись лица, злоупотребляющие спиртными напитками, ведущие аморальный образ жизни, подвергавшиеся ранее административным наказаниям за нарушение общественного порядка, характеризующиеся отрицательно по месту жительства, а также ранее судимые или привлекавшиеся к уголовной ответственности.

Так, в марте 2012 года приговором Верхнекамского районного суда Кировской области С. был осужден к лишению свободы за совершение умышленного причинения тяжкого вреда здоровью, опасного для жизни человека, в отношении потерпевшей М., при этом было установлено в качестве смягчающего наказания обстоятельства противоправное поведение самой потерпевшей [10].

В последующем, в период 2013–2015 гг. мировым судьей судебного участка № 6 Верхнекамского судебного района было рассмотрено 5 уголовных дел, где потерпевшей была признана та же гражданка М., из них 4 – с обвинительным приговором, 2 из которых совершены тем же подсудимым С., с которым М. проживала совместно длительное время как до заключения его под стражу, так и после отбытия им наказания. Исходя из обстоятельств рассмотренных дел, все указанные преступления совершены лицами, ранее судимыми, в состоянии алкогольного опьянения. В соответствии с протоколами допроса потерпевшей М. она, находясь в состоянии алкогольного опьяне-

ния, провоцировала ссору сама, оскорбляя «обидными словами», прилюдно унижая, высказывая подсудимым претензии. Кроме того, она поясняла, что часто выпивает и в состоянии опьянения становится агрессивной. Однако ни в одном из приговоров, вынесенных мировым судом, не было учтено в качестве смягчающего наказание обстоятельства поведения потерпевшей. Все приговоры вступили в законную силу [11].

В июне 2015 года приговором Верхнекамского районного суда Кировской области С. снова осужден к лишению свободы за совершение преступления, предусмотренного п. «з» ч. 2 ст. 112 УК РФ, в отношении той же потерпевшей М., при этом снова было установлено в качестве смягчающего наказание обстоятельства противоправное поведение потерпевшей М. Приговор вступил в законную силу [12].

Несмотря на то что с потерпевшей М. неоднократно проводились профилактические беседы УУП и ПДН пункта полиции, должных выводов она не делает. При этом по месту жительства М. характеризуется как личность, злоупотребляющая спиртными напитками в быту, ранее привлекалась к административной ответственности за появление в общественных местах в состоянии опьянения.

Таким образом, анализ исследованных уголовных дел показывает, что виктимологический аспект, выразившийся в поведении потерпевшей, «усилен» состоянием алкогольного опьянения подсудимого и потерпевшей, состоянием здоровья потерпевшей, которая не могла оказать сопротивление подсудимому в силу своих физических недостатков (является инвалидом 2 группы) и которая при этом провоцирует раз за разом совершение новых преступлений в отношении себя.

Данные примеров судебной практики показывают, что наиболее пристального внимания заслуживает виктимология насильственных преступлений, совершенных именно на бытовой почве, и именно рецидивистами, поскольку данные преступления имеют наибольшую распространенность и совершаются с большей жестокостью и цинизмом. Серьезность данных преступлений также состоит и в том, что потерпевшие в большинстве случаев, опасаясь за свою жизнь и здоровье и жизнь и здоровье своих близких, не заявляют о совершенных

преступлениях, осознавая, что человека, не раз отбывавшего наказание в виде лишения свободы, это наказание не пугает, поэтому и о последствиях совершаемых им деяний он не думает.

Чаще всего бытовые преступления относятся к категории дел частного обвинения, а значит, необходимо обращение потерпевшего с заявлением в мировой суд. Нередко бывает, что после подачи заявления потерпевший из жалости или из страха ходатайствует перед судом о прекращении уголовного преследования в отношении своего обидчика. В этом случае виновник освобождается от уголовной ответственности, и его безнаказанность провоцирует совершение им новых преступлений, нередко более жестоких.

Предупреждение рецидивной преступности наряду с виктимологической профилактикой является одним из важнейших направлений сложной, многогранной деятельности органов внутренних дел по профилактике правонарушений. Особенности личности рецидивистов, их объективного положения в системе социальных отношений обуславливают необходимость последовательной интенсификации мер борьбы с данной, наиболее опасной формой преступных проявлений и находятся в прямой зависимости от научной обоснованности соответствующих общих и индивидуальных профилактических мер, их целенаправленности, последовательности и взаимной согласованности. Работа по профилактике рецидива преступлений может быть успешной только в том случае, если она базируется на положениях криминологии, педагогики, психологии.

Индивидуальная профилактика насильственных преступлений осуществляется с целью недопущения совершения таких преступлений со стороны конкретных лиц. Процесс индивидуальной профилактики складывается из следующих взаимосвязанных этапов: выявления лиц, ведущих антиобщественный образ жизни, склонных к совершению насильственных преступлений; постановки выявленных лиц на учет в органах внутренних дел; определения причин антиобщественного поведения и условий, способствующих этому поведению; принятия мер для устранения указанных причин и условий; применения разнообразных форм и методов профилактического воздействия.

В целях предупреждения преступлений и правонарушений со стороны ранее судимых лиц на территории района регулярно проводятся целевые оперативно-профилактические мероприятия, такие как «Рецидив», «Быт». Однако меры индивидуальной профилактики (профилактические беседы, привлечение их к административной ответственности, в том числе в виде административного ареста) в отношении рецидивистов, как правило, малоэффективны. Поэтому проблема профилактики рецидивной преступности требует повышенного внимания и изучения. Одной из мер такой профилактики стал Федеральный закон № 64-ФЗ от 06 апреля 2011 года «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы», в соответствии с которым основной задачей административного надзора является предупреждение совершения лицами, ранее судимыми, подпадающими под его действие, новых преступлений и правонарушений путем оказания на них индивидуального профилактического воздействия. Проводимая органами внутренних дел предупредительная работа – это комплекс целенаправленных адресных профилактических мер, направленных на пресечение уголовных преступлений и административных правонарушений, предупреждение противоправных деяний судимыми и иными лицами, состоящими на учете в органах внутренних дел.

Как уже отмечалось, рецидивистов, у которых антиобщественная установка настолько закоренела, не пугают не только негативные последствия совершенного им деяния, но и наказание в виде лишения свободы. Для некоторых лиц такая мера наказания в какой-то степени является не наказанием, а выходом из сложившейся трудной жизненной ситуации. Преступный контингент в бытовой сфере таков, что, как правило, такие лица постоянно находятся в трудной жизненной ситуации в связи с отсутствием занятости, а, соответственно, и средств к существованию, отсутствием места жительства после освобождения из мест лишения свободы. Поэтому совершить для них очередное преступление – это возможность решить на какое-то время эти проблемы («перезимовать», получить медицинскую помощь), поэтому в таких случаях вряд ли будет достигнута истин-

ная цель наказания – восстановление справедливости и исправление осужденного. Кроме того, в этой области с органами внутренних дел тесно взаимодействуют и органы местного самоуправления, которые вносят свою лепту в ресоциализацию лиц, освобожденных из мест лишения свободы, обеспечивая таких лиц жильем, помогая в трудоустройстве. Однако на практике это становится очень затруднительным ввиду отсутствия соответствующего финансирования органов местного самоуправления.

Что же касается опыта зарубежных стран, в последние десятилетия в западноевропейских странах, США, Канаде, Японии активно развиваются теория и практика предупреждения преступлений. Рост преступности вызывает к необходимости разработки более эффективных мер по профилактике преступности. Во многих странах одной из мер такой профилактики является привлечение граждан к сотрудничеству с полицией, патрулированию (США, Великобритания, Канада). Кроме того, значительная роль в зарубежных странах отводится виктимологической профилактике, направленной на самозащиту населения (США, Германия) [13].

Как уже отмечалось ранее, наряду с профилактической работой по предупреждению рецидивной преступности должна проводиться и виктимологическая профилактика, которая представляет собой воспитательно-предупредительное воздействие на потенциальных жертв преступления. Она включает в себя деятельность социальных институтов, направленную на выявление, устранение факторов, обстоятельств, ситуаций, формирующих виктимное поведение; выявление групп риска и конкретных лиц с повышенной степенью виктимности и воздействие на них в целях восстановления или активизации их защитных свойств; разработку комплекса мер либо совершенствование уже имеющихся средств защиты граждан от преступлений и последующей виктимизации. При этом ведущая роль в индивидуальной виктимологической профилактике преступлений в сфере быта также принадлежит участковым инспекторам, которые организуют выявление лиц с повышенной степенью виктимности, проводят с ними воспитательно-профилактическую

работу, помогают, если есть необходимость и возможность, в их трудоустройстве, и т. д.

Однако, исходя из российской судебной практики, считаю, что виктимологическая профилактика осуществляется у нас не на должном уровне, поскольку на практике основной профилактической мерой является беседа с потерпевшим, которая является малоэффективным средством воздействия на лиц с отрицательными нравственно-психологическими свойствами, обуславливающими виктимное поведение в конфликтной ситуации.

Поскольку причинами совершения преступлений на бытовой почве является алкогольная зависимость, отсутствие возможности и желания трудоустройства, считаю, что профилактические мероприятия, касающиеся как лиц, потерпевших от преступных посягательств, так и лиц, их совершивших, должны быть направлены в первую очередь на обеспечение занятости населения. Во-вторых, считаю, что было бы целесообразно в качестве меры индивидуальной профилактики закрепить законодательно установление административного надзора не только в отношении лиц, освобожденных из мест лишения свободы, но и в отношении «патологически» потерпевших. В-третьих, когда провоцирующее на совершение преступления поведение потерпевшего перерастает в образ его жизни, полагаю, что было бы целесообразно законодательно предусмотреть необходимость решения вопроса о вменяемости такого лица и возможности применения к нему принудительных мер психологического или даже медицинского воздействия.

Как уже отмечалось ранее, именно преступления небольшой степени тяжести составляют основную массу бытовых насильственных преступлений. При этом, несмотря на наличие неснятых и непогашенных в установленном порядке судимостей за совершение таких преступлений, виновному лицу за вновь совершенное преступление не может быть назначено более строгое наказание, поскольку данные судимости не образуют рецидива преступлений и не могут быть учтены в качестве отягчающего наказания обстоятельства. Такой подход законодателя к условиям назначения наказания автор считает по крайней мере несправедливым. Это касается и предстоящей декри-

минализации ряда преступлений, в том числе побоев и угрозы убийством, которая была предложена Председателем Верховного Суда России В. М. Лебедевым в ходе встречи с Президентом России В. В. Путиным в июле 2015 года. С одной стороны, это, конечно, «разгрузит» суды, но с точки зрения защиты прав и интересов граждан не породит ли это у бытовых преступников еще большее чувство дозволенности и безнаказанности, и не повлечет ли это совершение ими более тяжких преступлений? Считаю правильной в этом отношении точку зрения Б. А. Спасенникова, который отметил, что «актуальной для на-

шей страны является задача защиты прав граждан России от преступных посягательств, а не создания комфортных условий деятельности судебной власти, что предполагает последовательную борьбу с преступностью, а не декриминализацию ряда преступлений» [14].

Подводя итог сказанному, при всей значимости виктимологической профилактики важно помнить, что меры в отношении потерпевшего эффективны лишь в качестве дополнения к целенаправленным мерам профилактического воздействия на лиц, от которых можно ожидать совершения преступления.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Статистика и аналитика [Электронный ресурс] // МВД – Министерство внутренних дел Российской Федерации : [сайт]. Режим доступа: <https://mvd.ru/Deljatelnost/statistics/reports/> (дата обращения: 30.10.2015).
2. Алауханов Е. О. Криминология. 2008 // Электронная библиотека [сайт]. Режим доступа: <http://www.allpravo.ru/library/doc4204p0/instrum6815/item6853.htm> (дата обращения: 03.11.2015).
3. Ищук Я. Г. Права человека в российском судопроизводстве: виктимологический аспект // Виктимология. – 2015. – № 2 (4). – С. 12–15.
4. Спасенников Б.А. К проекту решения II Международного пенитенциарного форума «Преступление, наказание, исправление» // НоваИнфо. – 2015. – № 36. Режим доступа: <http://novainfo.ru/archive/36/forum-prestuplenie-nakazanie-ispravlenie/>
5. Федорова Н. И. Виктимность жертв насильственных преступлений в сфере семейно-бытовых отношений и совершенствование мер предупреждения // Виктимология. – 2014. – № 1 (1). – С. 45–50.
6. Официальный сайт судебного участка № 6 Верхнекамского судебного района Кировской области. Режим доступа: <http://6.kir.msudrf.ru>.
7. Ривман Д. В. Криминальная виктимология. СПб.: Питер, 2002.
8. Алауханов Е. О. Криминология. 2008 // Электронная библиотека [сайт]. Режим доступа: <http://www.allpravo.ru/library/doc4204p0/instrum6815/item6853.htm>.
9. Кожухова Г. С. Некоторые проблемы учета отрицательного поведения потерпевшего при назначении наказания [Электронный ресурс] // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2013. – № 3 (02.2013). Режим доступа: http://www.journal-nio.com/index.php?id=1962&Itemid=117&option=com_content&view=article.
10. Дело № 1-34/2012 // Архив Верхнекамского районного суда Кировской области [сайт]. Режим доступа: <https://bsr.sudrf.ru/bigs/portal.html>.
11. Официальный сайт судебного участка № 6 Верхнекамского судебного района Кировской области. Режим доступа: <http://6.kir.msudrf.ru>.
12. Официальный сайт Верхнекамского районного суда Кировской области. Режим доступа: <https://bsr.sudrf.ru/bigs/portal.html>.
13. Асяева М. В. Особенности предупреждения преступлений в зарубежных странах // НоваИнфо. – 2013. – № 18. Режим доступа: <http://novainfo.ru/archive/18/osobennosti-preduprezhdeniya-prestupleniy/>
14. Спасенников Б. А. О декриминализации побоев // НоваИнфо. – 2015. – № 36. Режим доступа: <http://novainfo.ru/archive/36/o-dekriminalizatsii-poboev/>.

Обернихина Елена Николаевна, магистрант 2 курса Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)». E-mail: elena.obernihina@yandex.ru

Obernikhina E. N.

VICTIMOLOGICAL CHARACTERISTICS OF VIOLENT CRIMES COMMITTED BY RECIDIVISTS IN DOMESTIC SPHERE

In this article examines the status and issues of recidivism and victimological features of victim behavior in domestic crimes, affecting recidivism, the procedure of appointment of punishment at repeated commission of crimes taking into account victim's behavior, the problem of prevention of recidivism and victimological prevention in modern Russia.

Keywords: *recidivism, victimological features of victim behavior, features of appointment of punishment, prevention of recidivism, victimological prevention.*

OBERNIKHINA Elena N., undergraduate, Volga-Vyatka Institute (branch) «Moscow State Institute of Law named OE Kutafin (MSLA)»

E-mail: elena.obernihina@yandex.ru

ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ
РУКОПИСЕЙ СТАТЕЙ В НАУЧНЫЙ
ЖУРНАЛ «ВИКТИМОЛОГИЯ»

ОБЩИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ

К публикации принимаются рукописи статей, ранее не издававшиеся и не предназначенные к одновременной публикации в других изданиях. Рукопись, присылаемая в редакцию, должна соответствовать тематике журнала и требованиям по оформлению статей. Текст для публикации объемом **5–15 страниц формата А4**

должен быть подписан автором (соавторами) следующим образом: *«Рукопись вычитана, факты, цитаты, ссылки проверены. Публикуется впервые»*. Ставя свою подпись под статьей, автор тем самым передает права на издание своей статьи редакции и выражает свое согласие на размещение в базе РИНЦ.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ:

- УДК (обязательно перед текстом рукописи).
- Фамилия и инициалы автора(ов) на русском и на английском языках.
- Название статьи заглавными буквами на русском и на английском языках.
- Аннотация (от 5 до 7 строк) и список ключевых слов в именительном падеже (5–7 слов) на русском и на английском языках.
- Параметры страницы (формат А4; поля: по 2 см с каждой стороны).
- Редактор – **Microsoft Word (.doc)**. Шрифт (гарнитура) – **Times New Roman**.
- Размер шрифта (кегель) – **14**, без уплотнения или разрежения. В таблицах и иллюстрациях допускается уменьшение размера шрифта до 11.
- Абзацный отступ («красная строка») – **1,0 см**.

- Межстрочный интервал – **полуторный**. Выравнивание текста – **по ширине**.
- Автоматическая расстановка переносов допускается.
- Цитируемая в статье литература приводится в виде списка в конце текста. В тексте в квадратных скобках дается ссылка на порядковый номер списка (ГОСТ Р 7.0.5.-2008).
- Авторские примечания (не являющиеся используемой литературой или ссылкой на источник) размещаются в постраничных сносках.
- После статьи **обязательно** указываются: фамилия, имя, отчество автора (полностью), ученая степень, ученое звание, должность, полное наименование места работы, город, адрес электронной почты автора.

К РУКОПИСИ НЕОБХОДИМО ПРЕДОСТАВИТЬ:

1. Файл со статьей, оформленной надлежащим образом. В наименовании файла должна быть указана фамилия автора или первого из соавторов (например, «Иванов.doc»).
2. Сведения об авторе(ах) по представленной ниже форме (отсканированную копию).

3. Для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук рецензия, подписанная научным руководителем и заверенная печатью учреждения (оригинал или отсканированную копию оригинала).

Подготовленные материалы необходимо направить по адресу электронной почты:
victimology@mail.ru.

В случае отказа в публикации редакция обязуется мотивировать свое решение.

Редакция оставляет за собой право редактировать статьи и сокращать материал.

Авторский экземпляр номера журнала высылается на указанный в заявке адрес наложенным платежом.

АНКЕТА АВТОРА*

представленной в редакцию рукописи статьи:

(название статьи)

Ф.И.О. (полностью)	
Ученая степень	
Ученое звание	
Иные почетные звания	
Должность	
Место работы, учебы (полное наименование организации)	
Адрес места работы, учебы (с указанием индекса)	
Контактный телефон (с указанием кода города)	
Адрес электронной почты	
Адрес, на который следует выслать авторский экземпляр журнала (с указанием индекса)	
Иные сведения	

Направляя и подписывая данную анкету, автор дает согласие на то, что представление рукописи статьи в адрес редакции журнала «ВИКТИМОЛОГИЯ» является конклюдентным действием, направленным на передачу редакции исключительных прав на произведение: права на воспроизведение и права на распространение, а также на размещение статьи в электронной версии журнала в открытом доступе в сети Интернет.

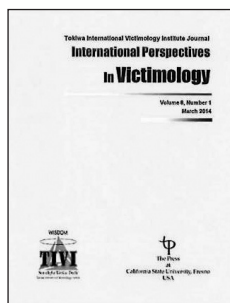
«__» _____ 20__ г.

_____ / _____ /

* В случае подготовки статьи в соавторстве анкета предоставляется каждым из авторов.

ОБЗОР ЗАРУБЕЖНЫХ ТЕМАТИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ

<http://www.tokiwa.ac.jp/~tivi/english/publications/perspectives/index.html>
<http://thepressatcsufresno.com/>

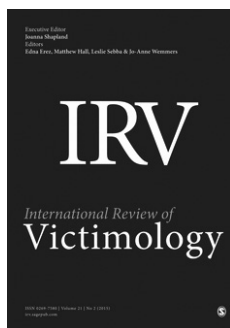
INTERNATIONAL PERSPECTIVES IN VICTIMOLOGY

International Perspectives in Victimology is an English language refereed journal published by the Tokiwa International Victimology Institute. The journal is a peer-reviewed multidisciplinary publication with focus on traditional and newly emerging areas of victimology. Topics covered may include: victims of crimes, abuse of power, road traffic accidents, domestic violence, child abuse, bullying, disasters, and war; victim services; victimological theories; victim rights: victim compensation and restitution; restorative justice; and new conceptual developments and research in the field.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ В ВИКТИМОЛОГИИ

«Международные перспективы в виктимологии» – реферативный, рецензируемый, междисциплинарный, англоязычный журнал, который издается Международным институтом виктимологии Tokiwa. В журнале освещаются как традиционные, так и новые аспекты в области виктимологии. Тематика публикаций включает в себя: жертв преступлений, злоупотребления властью, дорожно-транспортных происшествий, насилия в семье, жестокого обращения с детьми, издевательства, бедствия и войны; защита потерпевшего; виктимологические теории; права потерпевших: компенсация пострадавшим и реституции; восстановительное правосудие; новые концептуальные разработки и исследования в области виктимологии.

<http://irv.sagepub.com/>

INTERNATIONAL REVIEW OF VICTIMOLOGY

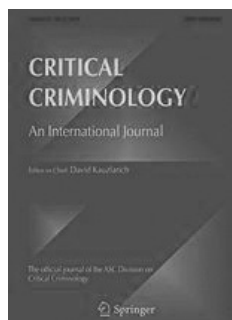
Edited by Joanna Shapland, University of Sheffield, UK

The International Review of Victimology is the leading international peer-reviewed journal for victimological research. The journal focuses upon traditional areas of victimological research, such as offender typologies, the victim-offender relationship, victimization surveys, victim compensation, the victim in the criminal justice system, reparation and restitution by offenders and crime prevention for offenders. The journal also looks at broader theoretical issues such as definitions of victimization and the philosophy of victimology.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОБЗОР ВИКТИМОЛОГИИ

Под редакцией Джоанна Шапленд университета Шеффилда, Великобритания.

«Международный обзор виктимологии» – ведущий международный рецензируемый журнал виктимологических исследований. Журнал фокусируется на традиционных областях виктимологических исследований, таких как типология правонарушителей, отношения «жертва – преступник», изучение виктимизации, компенсация жертвам, жертвы в системе уголовного правосудия, реституция и профилактика преступности. В журнале также рассматриваются и более широкие теоретические вопросы, такие как определение виктимизации и философия виктимологии.

CRITICAL CRIMINOLOGY

Critical Criminology is the official journal of the Division of Critical Criminology of the American Society of Criminology (ASC) and the Academy of Criminal Justice Sciences Section on Critical Criminology (ACJS).

The journal Critical Criminology explores social, political and economic justice from alternative perspectives, including anarchistic, cultural, feminist, integrative, Marxist, peace-making, postmodernist and left-realist criminology. Rather than limit the scope of its coverage to state definitions of crime, Critical Criminology focuses on issues of social harm and social justice,

including work exploring the intersecting lines of class, gender, race/ethnicity and heterosexism. The journal will benefit professionals interested in alternative methodologies and theories, including chaos theory, non-linear analysis, and complex systems science as it pertains to the study of crime and criminal justice. The journal offers works that focus on creative and cooperative solutions to justice problems, plus strategies for the construction of a more inclusive society.

КРИТИЧЕСКАЯ КРИМИНОЛОГИЯ

«Критическая криминология» – является официальным журналом Отдела критической криминологии Американского общества криминологии (ASC) и Академии наук в области уголовного правосудия секции по Критической криминологии (ACJS).

Журнал «Критическая криминология» исследует социальную, политическую и экономическую справедливость альтернативных точек зрения, в том числе анархической, культуры, феминизма, марксизм, миротворчество, постмодернизм и левых радикалов в криминологии. Вместо того чтобы ограничивать сферу своего охвата государственным определением преступления, «Критическая криминология» фокусируется на вопросах социального вреда и социальной справедливости, в том числе работы, исследуя пересекающиеся линии класса, пола, расы / этнической принадлежности и гетеросексизма. Журнал будет интересен профессионалам, заинтересованным в изучении альтернативных методологий и теорий, в том числе теории хаоса, нелинейного анализа и сложных систем науки, а также как наука относится к изучению преступности и уголовного правосудия. Журнал публикует работы, направленные на решение совместных проблем в области правосудия, а также стратегии для построения более открытого общества.

JOURNAL OF RESEARCH IN CRIME AND DELINQUENCY

Journal of Research in Crime and Delinquency (JRCD), peer-reviewed and published bi-monthly, offers articles, research notes, review essays and special issues to keep you up-to-date on contemporary issues and controversies within the criminal justice field. For more than forty years, this international forum has explored the social, political, and economic contexts of criminal justice and examined victims, criminals, courts, and sanctions.

ЖУРНАЛ ИССЛЕДОВАНИЙ ПРЕСТУПНОСТИ И ПРАВОНАРУШЕНИЙ

«Журнал исследований преступности и правонарушений (JRCD)» является рецензируемым и публикуется два раза в месяц. В журнале публикуются научные статьи, аналитические записки, обзор эссе и специальные заметки о современных проблемах и противоречиях в области уголовного правосудия. Более чем за сорок лет этот международный форум исследовал социальные, политические и экономические контексты уголовного правосудия, а также вопросы жертв, преступников, судов и санкций.

CRIMINOLOGY AND CRIMINAL JUSTICE

Editor-in-Chief: Adam Crawford, University of Leeds, UK

Criminology and Criminal Justice is a peer-reviewed journal that focuses on the broad field of criminology and criminal justice policy and practice. The journal publishes scholarly articles on all areas of criminology, crime and criminal justice. It includes theoretical pieces, as well as empirically-based analyses of policy and practice in areas that range from policing to sentencing, community penalties and prisons; drug use to organized crime and terrorism; and from crime prevention to victims of crime.

КРИМИНОЛОГИЯ И УГОЛОВНОЕ ПРАВОСУДИЕ

Главный редактор: Адам Кроуфорд, Университет Лидса, Великобритания

«Криминология и уголовное правосудие» является рецензируемым журналом, который сосредоточивается на широком поле криминологии и уголовного правосудия, политики и практики. Журнал публикует научные статьи по всем направлениям изучения криминологии, преступности и уголовного правосудия. Журнал включает в себя теоретические и эмпирические исследования на основе анализа политики и практики в областях, которые варьируются от полиции до вынесения приговора, общественных санкций и тюрем; от употребления наркотиков до организованной преступности и терроризма; от предупреждения преступности до жертв преступлений.

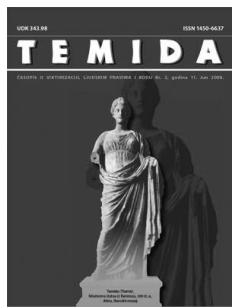

INTERNATIONAL JOURNAL OF OFFENDER THERAPY AND COMPARATIVE CRIMINOLOGY

International Journal of Offender Therapy and Comparative Criminology (IJO), peer-reviewed and published monthly, for more than five decades has provided therapists, counselors, researchers, forensic psychologists and psychiatrists, criminologists and policy makers with challenging research on topics including; violent crime, sexual offending, domestic violence, juvenile delinquency, criminal profiling, and risk assessment. There is an emphasis on the treatment of the offender--both as to theory and for clinical practice.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЖУРНАЛ ТЕРАПИИ ПРАВОНАРУШИТЕЛЯ И СРАВНИТЕЛЬНОЙ КРИМИНОЛОГИИ

«Международный журнал терапии правонарушителя и сравнительной криминологии (МОД)» – ежемесячный рецензируемый журнал, выходящий в свет более чем пять десятилетий, публикующий статьи различных ученых и практиков: судебных психологов и психиатров, криминологов и политиков, а также публикации консультантов и исследователей по проблемам насильственных преступлений, сексуальных оскорблений, насилия в семье, подростковой преступности, профилактики преступности и оценке рисков. Существующий акцент публикаций, направленных на лечение правонарушителя, предполагает освещение как теории, так и клинической практики.

TEMIDA

Temida is the journal on victimization, human rights and gender, peer reviewed and accredited as an academic journal by Serbian Ministry of Science. Papers are mainly published in Serbian. Papers written in other languages are either translated in Serbian or published in the the language they are written in.

Topics for 2015 include:

No. 1 – *Victims' protection: International law, national legislations and practice* (submission deadline: March 1, 2015),

No. 2 – *Secondary victimisation and victim support* (submission deadline: June, 1 2015),

No. 3 – *Positive victimology* (submission deadline: September, 1, 2015);

No. 4 – *Restorative justice, safety and victims* (submission deadline: November, 1 2015).

As in 2015 three decades of the adoption of the United Nations *Declaration on the Rights of Victims of Crime and Abuse of Power* will be marked, all issues of Temida in 2015 will present a contribution to this anniversary. Therefore, we call authors to make the *Declaration and its implementation visible in their papers in connection to the specific topics*.

Manuscripts should be submitted by

e-mail: vds@eunet.rs or vdsrbija@gmail.com.

TEMIDA

«TEMIDA» – это журнал о виктимизации и правах человека, который является рецензируемым и аккредитованным Министерства науки Сербии в качестве научного журнала. Статьи в основном публикуются на сербском языке. Статьи, написанные на других языках, либо переводятся на сербский или публикуются в оригинале.

Темы номеров 2015 года включают в себя:

№ 1 – *защита потерпевших: Международное право, национальное законодательство и практика* (срок подачи: 1 марта 2015 г.);

№ 2 – *вторичная виктимизация и поддержка жертв* (срок подачи заявок: 1 июня 2015 г.),

№ 3 – *Положительная виктимология* (срок подачи заявок: 1 сентября 2015 г.);

№ 4 – *Восстановительное правосудие, безопасность и жертвы* (срок подачи заявок: 1 ноября 2015 г.).

В 2015 году отмечается три десятилетия после принятия *Декларации Организации Объединенных Наций о правах жертв преступлений и злоупотребления властью*, свой вклад в эту годовщину планирует внести и журнал «TEMIDA». Таким образом, мы называем авторов к обсуждению декларации и ее реализации в своих работах по конкретным темам.

Рукописи должны представляться по электронной почте: vds@eunet.rs или vdsrbija@gmail.com

CRIMINOLOGY, VICTIMOLOGY AND SECURITY JOURNAL

The aim of The Criminology, Victimology and Security Journal is to reflect on criminality, its victims and the problems linked to security which have become pressing issues in today's society in the awareness that, despite stemming from different factors, they require integrated solutions in open contrast to any form of simplification or rigid dichotomy.

Indeed, every era has sensed it was a transition towards something else, each one feeling the old creak under the pressure of an as-yet-undefined new traversed by various forms of vulnerability.

We think it highly topical from a scientific and cultural-political point of view, to provide a space where criminologists, victimologists, sociologists, psychologists, pedagogists, legal workers, social and legal science academics and security experts can compare notes in order to come up with strategies for operating in a complex and ambiguous social context, paying specific attention to the possibility of giving and giving back the ability to act to people whose lives are affected by grave situations that produce difficulty and at times desperation.

From this point of view, The Criminology, Victimology and Security Journal welcomes also articles on the theoretical aspects of victimology without neglecting the importance for those who are involved in helping victims in various ways of the ability to build relations and to look at reality in a critical and innovative way.

КРИМИНОЛОГИЯ, ВИКТИМОЛОГИЯ И БЕЗОПАСНОСТЬ

Целью журнала «Криминология, виктимология и безопасность» является изучение преступности, ее жертв и проблем, связанных с безопасностью, которые стали актуальными вопросами в современном обществе при осознании того, что, несмотря на вытекающие из различных факторов, они требуют комплексного решения в любой форме или упрощения жесткой дихотомии.

Мы считаем, что очень актуально с научной и культурно-политической точки зрения обеспечить пространство, где криминалисты, виктимологи, социологи, психологи, педагоги, исследователи в области юридических и социальных наук, ученые и эксперты по безопасности смогут общаться для того, чтобы поделиться своими стратегиями для работы в сложной и неоднозначной социальной ситуации, обращая особое внимание на возможность давать и отдавая способность помогать людям, чья жизнь зависит от тяжелых ситуаций, которые производят трудности, а порой и отчаяния.

С этой точки зрения журнал «Криминология, виктимология и безопасность» приветствует также статьи по теоретическим аспектам виктимологии, не забывая о важности для тех, кто участвует в оказании помощи жертвам в различных формах, помогает обрести способности строить отношения и смотреть на реальность в критических ситуациях.

Редакция научно-практического журнала «Виктимология» рекомендует знакомиться с указанными выше изданиями при подготовке научных статей и в списке литературы ссылаться на статьи из журналов по глобальным индексам цитирования (Scopus, Web of Science). Публикации, имеющие ссылки на зарубежные издания, пользуются приоритетом при опубликовании в нашем журнале. Кроме того, рекомендуем ознакомиться с трудами отечественных ученых и исследователей по тематике подготавливаемых работ.

Редакция журнала «Виктимология»